

ЭЛЛИНА НАУМОВА

ОХОТА НА НЕПРИЯТНОСТИ

(ПОЛИНА И ИЗМАЙЛОВ)

Эллина Наумова

**Охота на неприятности.
(Полина и Измайлов)**

«Издательские решения»

Наумова Э.

Охота на неприятности. (Полина и Измайлов) /
Э. Наумова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-851294-0

Полина бодро взялась за редакционное задание: под видом молодой провинциалки с высшим образованием найти в Москве работу и жилье. Нашла, разумеется. Но с такими приключениями, что она, москвичка, вряд ли выпуталась бы без помощи полковника Измайлова.

ISBN 978-5-44-851294-0

© Наумова Э.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
1	6
2	8
3	12
4	17
Глава вторая	21
1	21
2	26
3	28
Глава третья	34
1	34
2	37
3	40
4	45
Глава четвертая	49
1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Охота на неприятности (Полина и Измайлов)

Эллина Наумова

© Эллина Наумова, 2017

ISBN 978-5-4485-1294-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Персонажи выдуманы, любые совпадения случайны.

Глава первая

1

Я шла на утреннее совещание в редакцию мучительно любимой газеты, думала, что такая любовь – признак профессиональной зрелости – и впервые за полгода курила на улице. Нарушала собственное табу и явственно злилась на всех и вся. Вообще-то никто не освобождал меня от ранних нагоняев главного редактора, страдающего тяжелой формой трудоголизма. Для него стартовый разнос – все равно, что опохмеляющая доза алкоголя. Поэтому народ страдальца понимает и кротко терпит, разумеется, не беря в голову. Меня не отлучали и от утешительных чашек кофе в кругу пропесоченных до металлического блеска коллег. Просто так сложилось, что я мечусь в творческом поиске днем и пишу по ночам. Надо же когда-то спать. Почему бы не в то время, когда наши, зевая, рассаживаются в кабинете главного? Хотя справедливости ради надо заметить, что, на какое бы время он ни назначил сбор, они все равно будут клевать носами – здоровая реакция на привычное. Это я стала воспринимать коллективные мероприятия, как нечто из ряда вон выходящее. И вот результат – его вчерашний звонок и интеллигентная просьба посетить место моей работы на общих, так сказать, основаниях меня едва ли не оскорбила! Я уже миновала этап мстительных зарок «трудиться от звонка до звонка и ша», смутно осознала, что обнаглела, и двинулась к другой крайности – попытке задуматься о своем тускнеющем нравственном облике. Но не успела, потому что, срезая угол, покинула твердыню асфальта и очутилась среди гордо дичающих в старом сквере яблонь. Май выдался жарким. Я с изумлением обнаружила, что земля под деревьями густо усыпана розоватыми лепестками яблоневого цвета и крохотными желтыми листьями. Это сумасшедшее единение весны и осени под ногами примирило меня с посещением редакции. Но ненадолго.

После обычной профилактической экзекуции главный строго сказал:

– Полина, останься, пожалуйста.

Поводов игнорировать его приглашение у меня не было. Освобожденный коллектив попрощался со мной разными взглядами – от соболезнующих до злорадных.

– Сын все путешествует? – осведомился шеф.

Мой шестилетний отпрыск Севка вместе с моей же мамой прокатывал деньги своего отца по Чехии. Поэтому я согласно замотала головой, дескать, к борьбе за дело процветания печатного органа готова, как никогда.

– Ну, тогда ищи работу. И квартиру.

Сказать, что я обалдела, значит, тупо промолчать. Почему-то более всего мне было жаль испоганенного лирического настроения, возникшего в сквере. Однако уже через минуту возобладало искреннее беспокойство за здоровье классного редактора и порядочного человека:

– Илья Игоревич, у вас все в норме и под контролем? Будем считать, что по поводу работы вы оговорились. Сами знаете, Полину Данилину ласково примут всюду, с какой бы формулировкой вы меня не уволили. Но с чего вы вздумали распорядиться моей норой в отсутствие сына? Может, вам водички плеснуть?

– Ты – страшный человек, – сообщил главный. – Разве таким тоном предлагают источник жизни?

– Даже если, говоря «страшный человек» вы подразумевали «страшилище», напою за милую душу, – пообещала я.

– Спасибо, не жажду. Полина, вероятно, я неуклюже выразился. Имелись в виду темы работы и жилья в Москве. Каково здесь нынче гражданам России, иностранцев не трогай, ты уже один международный скандал устроила, начинать...

– Илья Игоревич, помилосердствуйте! Ну, как можно начинать в таком бестолково и жестоко русском дорогом городе? Описание сих мытарств – удел романистов, а не журналистов.

– А мне очень хочется почитать о твоих личных впечатлениях. Не надо историй чужих взлетов и падений. И статистики поменьше.

– Ладно, сдаюсь, – вздохнула я. – Вы, разумеется, не серьезно. Вы не мытьем так катаньем добываетесь своего. Да, вы пытались отправить меня по столичным моргам и кладбищам. Да, я отказалась. Но теперь согласна еще и крематорий включить в список. Лучше про прозу смерти, чем про прозу жизни.

– Поэзии уже ни в первом, ни во втором не усматриваешь? – грустно усмехнулся главный.

– Сквозь призму ваших тем нет.

– Полина, сезон моргов кончился. Отправляйся на настоящую охоту...

– Охоту на неприятности? Так напишу, что вы не напечатаете, – пригрозила я. – Хотите название? «Город, откуда не возвращаются». Вот!

– Сначала напиши.

– А деньги? О квартире без предварительной демонстрации кошелька никто и разговаривать не станет. И еще я слышала, что приличное трудоустройство нынче тоже стоит дорого.

Я победно откинулась на спинку кресла и прикрыла глаза, чтобы не видеть смущенного лица шефа. Ура! Вовремя сообразила с казначейскими билетами. Такой суммой он не рискнет никогда.

– Выписывай.

Это звучало невероятно. Мои веки задрались, как юбка на ветру, хоть руками на место натягивай.

– Илья Игоревич, признавайтесь, кому и за сколько вы нас продали?

– Выписывай!

– Я сниму пятикомнатную в центре! На пару месяцев. Хоть поживу по-человечески. И буду пробоваться на руководящие должности в министерствах!

– Полина, иди, трудись. Вымотала нервы с утра пораньше. А мне еще свою руководящую должность тут до ночи оправдывать, между прочим.

– Сами позвали, – мрачно напомнила я.

И пошла трудиться.

2

Через пару проведенных за компьютером часов я осмелилась думать о состоянии психики шефа еще хуже, чем утром. Какова должна быть температура мозга, чтобы из него полностью испарился дар обретать «угол зрения», под которым обыденность вмиг становится сенсацией? Температура кипения, не иначе. Причем долго кипело. Интернет ломился от вакансий во всех мыслимых и немыслимых сферах человеческой деятельности. Дискриминирующих по полу, возрасту и месту жительства запросов было не слишком много, вознаграждение за труды обычные обещали сносное, за праведные – заманчивое. Жилье тоже предлагалось, как раньше говаривали, на любой вкус и кошелек. Москва ждала своих покорителей без тени коварства: дерзни, явись, сними комнату, устройся на работу, паши, как проклятый, и пусть тебе повезет.

Вознамерившись за сутки покончить с издевательским редакционным заданием, я выбрала образ уравновешенной, амбициозной, что всегда предполагает неискушенность, девушки. Она честно вы зубрила все, что полагалось для получения красного университетского диплома по гуманитарной специальности, отработала в своем крупном, раз есть университет, городе год, вместе с родителями накопила денег на билеты в оба конца, самую дешевую квартиру и диетическое питание. Для пристойного укоренения в политой слезами и удобренной чужими несбывшимися надеждами московской почве ей показалось достаточно трех месяцев. Ведь дважды зарплату можно получить, а то и единожды премию.

Вторым вариантом стала еще не искалеченная своим увлечением любительница экстрима, которая приехала с билетом в один конец в поисках не работы по душе, а шанса заработать. Третий тип – искательницы приключений – я, поразмыслив, задействовать не стала. Такие все, что им нужно, находят в любом месте в любое время. По дурости своей я принялась, было, сочинять девицу, которой нужна просто Москва, именно Москва. Которая ощущает этот город нервной системой, а себя – его нервной клеткой. А то и наоборот: себя – системой, а город – одним из своих нервных узлов. Однако, поняв, что она установит отношения со столицей без посредников, я отказалась от провальной затеи...

Через неделю я сообразила, что объявления о работе с высокой зарплатой и квартирах, сдающихся по божеским ценам, скорее всего приманка агентств. На вакансии, которые заинтересовали бы выдуманных мною провинциалок, я сначала отправила «их» резюме, процентов на восемьдесят соответствовавшие требованиям. В ответ получила вал откликов от рекрутеров, предлагавших такую же работу в других фирмах за половинное вознаграждение. Я изменила кое-что и шуранула резюме, сказочно удовлетворявшие капризам работодателей. Более того, проанализировав все требования к соискателям, я заложила в саморекламу девушек и то, о чем боссы могли только мечтать. Тот же результат. Я решила зайти с другой стороны и принялась обзванивать организации, зарабатывающие на жилье. То, что могло заставить нормального человека обратиться к ним, было хронически «уже сдано». У всех оставались только панельные хоромы на первых и последних этажах. За них почему-то ломили гораздо более высокие цены, чем за якобы «буквально вчера» уплывшие квадратные метры в кирпичном доме недалеко от метро. Причем в самом легком случае нужно было внести залоговую сумму в размере месячной оплаты, саму эту оплату вперед и столько же агентству за помощь, неизвестно в чем заключающуюся.

Возблагодарив Небо за то, что мне есть, где жить и трудиться, я с грехом пополам, а то и на три четверти его составила список контор, оклад в которых позволял хотя бы оплачивать кров. Бодрила себя тем, что на жизнь можно подработать, и отгоняла неприятные догадки, когда и кем. В течение следующих двух недель я оббегала по три-четыре рекрутинговых агентства и отдела кадров в день. И без того небольшое заявленное вознаграждение везде

уменьшалось в связи с моей недостаточной опытностью примерно на треть. И еще на треть на время испытательного срока, который короче девяноста дней просто не мыслился. Учитывая отпускную пору, тянуло предположить, что ни в одной фирме после его окончания не задержишься – ушлым капиталистам требовалась дешевая рабочая сила, этакая прислуга за все, подменяющая штатных сотрудников в летний сезон. Изредка справлявшийся по телефону о моих успехах главный редактор все громче хихикал в трубку. Я мысленно извинялась за дилетантски поставленный ему диагноз.

Признав шефа вменяемым, я заподозрила умственную отсталость у «своих» девушек. Мало того, что ехать в Москву нужно было с мешком денег. Так еще и перспективы нулевые – вся зарплата вбухивалась в чужую квартиру. Учитывая количество незамужних умниц в столице нашей родины, я перешла бы к вычислениям с отрицательными величинами. Озверев окончательно, я поклялась себе найти жилье, работу, мужа олигарха и любовника – звезду театра и кино. После чего сумасшедшие девицы стали мне гораздо ближе. Однако за все время беготни мне ни разу не удалось встретиться даже с самым занюханым работодателем. Меня отшивали на подходе и не удосуживались сообщить об этом. Звонила сама, отвечали, что нашли более подходящую кандидатуру. И... обновляли заявку в Интернете.

Это было ударом по самолюбию уже не воображаемых провинциальных барышень. По моему лупили заносчивые фифы-рекрутерши и прыщавые юницы, отвечающие в фирмах за подбор персонала. Среди них попадались и человеческие лица. Некоторые по-матерински объясняли мне – денег в Москве нынче не заработаешь, и прочили максимум пятьсот баксов. А когда я уперто напоминала, что явилась на интервью по поводу тысячи семисот, фигурировавших в объявлении о найме, загадочно улыбались. Но отзвониться и сказать «нет» тоже считали ниже своего непрофессионального достоинства.

Наконец, сидя в офисе перед очередной вальяжной самоуверенной кадровичкой, которая не спросила только о том, переболела ли я в детстве ветрянкой, и уже давала заведомо невыполнимое обещание связаться со мной через неделю, я мысленно повинилась перед зрелыми плодами своих фантазий. Дескать, простите, девчонки, больше играть в вас, доверчивых скромниц, не могу. Встала и никогда не лишний раз уточнила:

– Значит, за триста долларов чистыми и полторы тысячи черным налом я должна впрячься в обязанности доверенного секретаря, то есть личного помощника и переводчика шефа. И иногда, как вы выразились, выполнять деловые поручения его жены, у которой собственный бизнес. Так?

Она ухмыльнулась:

– У нас много соискателей, поэтому пока вы ничего не должны.

Сухо попрощавшись, я вышла в коридор. Прямо передо мной была секретарская. За ней, надо полагать, святая святых. Все, что накопилось во мне за время поисков, я вложила в два пинка в две двери. Не оставлять же себе. Взвизгнувшую секретаршу не заметила. Возмущенно поднявшемуся из кожаного кресла боссу свирепо бросила:

– Здравствуйте. Сядьте.

И объяснилась в желании работать на него и его жену сначала по-английски, потом по-русски. Закончила вопросом:

– Где супруга? Мне необходимо с ней познакомиться.

– Это не обязательно, она уважает мой выбор, – спокойно произнес он.

Вызвал отфутболившую меня даму, буркнул: «Я вам доверяю, а вы упускаете энергичных специалистов», и велел заключить со мной договор на месяц испытательного срока со стопроцентной оплатой.

– Сегодня пятница. Я жду вас в понедельник к десяти, – обратился он ко мне.

За пределами кабинета мы молча поиграли в гляделки с вершительницей судеб. Глаза отвела она – наверное, мои были лучше накрашены.

Каюсь, договор я заключила, предъявив потерянный гостившей у меня иногородней знакомой паспорт. Она уже и штраф заплатила, и новый получила, когда я его у себя за диваном обнаружила. Регистрацию я предусмотрительно купила в специализированной, открыто предлагающей свои услуги фирме. Ну а дипломы о любом образовании предлагают в сети и продают там, где условитесь. Люди, помнится, удивились, что мне не московский нужен, но заказ выполнили. Им не все ли равно, какую печать подделывать. Разумеется, и регистрация, и диплом были на имя знакомой, то есть я стала обладательницей полного комплекта липы, но тогда это меня не тревожило. Сгоряча я решила отработать личным помощником и переводчиком месяц. Интересно стало – выгонят потом или нет.

«Вот так, провинциалочки, – сказала я про себя, покончив с трудоустройством. – Теперь семь сотен баксов за однушку потянем. Дорого? Скорее, не дешево. Пошли квартиру смотреть. В комнату вас, отличниц из интеллигентных семей, запикивать жалко. Славный у меня основной вид деятельности, – какими хочу, такими всех и придумываю».

Этот вариант я обнаружила еще во вторник, истерзав компьютер условием «жилье от хозяина». Искомый хозяин по телефону отозвался то ли сонным, то ли похмельным голосом, попросил звякнуть вечером. Я не забыла. Он заявил, что ему надо с кем-то посоветоваться, и перенес разговор на утро. Что ж, залежаться в постели в среду я ему не дала.

– Понимаете, квартира уже сдана на месяц, – сказал он. – Ровно через месяц – пожалуйста.

– Мне она нужна в пятницу.

– Вы не поняли, девушка...

– Поняла. В пятницу. И ни днем позже.

Почему-то я была уверена, что сняла ее. В четверг он позвонил сам:

– Мы тут с претендентом не сошлись кое в чем. Залог, оплата за месяц вперед и живите.

– И договор, – сказала я.

– Разумеется. Я скопирую из Интернета.

– И регистрация.

–хлопотно, но ладно.

Я не стала радовать его тем, что официально оформлять наши отношения в ЖЭУ не придется, дабы пребывать в тонусе.

«О, по наитию и вдохновению ты еще на что-то способна, – подумалось мне. – Надоело унижаться, продавая свои таланты и предлагая за клоповники собственные деньги. Завтра кровь из носу добудешь рабочее место и передохнешь».

Кровь проливать не пришлось. Разве что пальцы на ноге после контактов с дверями приемной и начальничьего кабинета немного болели. Но эта боль напоминала об успехе, следовательно, не раздражала. Триумфаторы не сетуют на шрамы. Я уже выяснила, что договор о найме жилья, заключенный менее чем на год, нотариально не заверяется. Поэтому решила для чистоты эксперимента задействовать паспорт без московской прописки. Нужно было убедиться в том, что какой-нибудь бугай, для усыпления бдительности согласившийся даже на регистрацию, через день-два после получения денег не выкинет одинокую приезжую на улицу.

Итак, обе провинциалки, так и не разобравшись, кто из них трудоустроился, шествовали под моим предводительством от метро. Я втолковывала им, что, когда освоимся, будем ходить дворами гораздо быстрее – минут десять – пятнадцать. И что дешевизна квартир, до которых от подземки надо добираться на автобусе, обманчива. На этот самый автобус все выгаданное и уйдет. Они не очень верили, но терпели. Скопище унылых одинаковых двенадцатизэтажек должно было их напугать, особенно, если в родных городах девушки жили в современных кирпичных домах. Мне самой стало не по себе от вопроса: «А где Москва»? «Она тут не кончается, а начинается», – пробормотала я и впустила девиц в пахну-

щий кошками грязный подъезд. Третий этаж, два лифта. Потом кое-как побеленные потолки, неумело поклеенные дешевые обои, замызганный облезлый паркет, рухлядь вместо мебели, отжившие и свое, и чужое холодильник и телевизор, невообразимый унитаз и жуткого вида ванна... Мои подопечные оробели по-настоящему. Вот-вот заорут в два горла: «Мама!» «Да бросьте вы, – посоветовала я. – Зато душе болеть не за что. Шустрее будете отсюда выбираться, чтобы работать и зарабатывать». Вняли.

– Подходит, – сказала я молодому полному мужчине, которому столь явно не терпелось покончить со сдачей своей конуры, взять доллары и покинуть ее, что я невольно прониклась тем же желанием. – Ладно, документы на квартиру, ваш паспорт и бланки договора на стол. Деньги у моего приятеля. Он ждет снаружи.

– Разумная предосторожность, – кисло похвалил хозяин и метнул бумаги.

Через десять минут он оставил мне два комплекта ключей, пересчитал купюры, которые я без стеснения, не вспомнив о якобы сопровождающем меня рыцаре, вынула из собственной сумки, возликовал, услышав, что регистрация не к спеху, и был таков.

«Располагайтесь, – пригласила я девушек. – И не проспите в понедельник. Это только кажется, что к десяти не рано. Вам больше часа добираться. Но, повторяю, вы еще оцените, что обойдетесь без наземного транспорта. Метро и собственные здоровые ноги – мечта работающих москвичей. Я неплохо вас поселила». Хоть бы поблагодарили. Но я не обиделась. Шок есть шок. Интересно, каким они представляли себе дешевое жилье в столице? Уж, не без тараканов ли? И я над ними опять сжалилась. Нашла в ванной полироль для мебели, кое-какие моющие и чистящие средства, засучила рукава и улучшила санитарно-гигиенические условия. Только окна не вымыла и на балкон не выходила – вечерело уже.

Оставила девиц обживаться и двинула в собственную двухкомнатную квартиру на другой конец города, почему-то не слишком веря, что она у меня есть. Воображение проклятое. Никогда не дает насладиться настоящим, вечно уносит и ввергает, ввергает и уносит.

3

«Главарь убойщиков» полковник Виктор Николаевич Измайлов, с которым мы имеем взаимное удовольствие быть любовниками, для равновесия испытывая взаимное же недовольство при столкновении возле какого-нибудь трупа, явился со службы поздно. Даже по телефону звонить не стал, чтобы не разбудить. А, скорее всего, чтобы не послушаться моего карканья, предрекающего при таком режиме язву и инфаркт одновременно. Мы еще и соседствуем – он обитает на втором, я на третьем этажах одного подъезда, поэтому меня не затруднит спуститься в любой час и повторить ему все в лицо. Вот Виктор Николаевич и делает вид, будто дорожит моим сном. На сей раз полковник преуспел в лицемерной конспирации, и каждый провел ночь на своей территории.

Утром после обязательной – чтобы жизнь малиной не казалась – пробежки я заглянула к нему, прочитала смешную записку про то, как ему без меня было грустно, убедилась в непохожести дома на свинарник и поднялась к себе. Гимнастика и водные процедуры вместо привычного желания немедленно слопать все равно что на положенные триста калорий вызвали во мне прямо-таки потребность кинуться в снятую вчера квартиру. Тяга к этому месту оказалась сильнее голода. И новее, прямо скажу. Торопливо сжевав банан и запив его кофе, я взяла свой походный ноутбук и потащила за три девять земель.

Дороги и не заметила, настолько увлеченно пыталась разобраться, почему захотелось поработать именно там. Конечно, не разобралась. Завершив кривой рваный круг размышлений выводом: «Потому что дурная голова ногам покоя не дает», я отперла дверь. И ощутила нечто странное: провинциалки исчезли. Это убогое нищее помещение было только моим. Некоторые из друзей сочинителей говорили, что прихотливое вдохновение стало набрасываться на них, где угодно – в ресторане, поезде, даже бане, но только не дома. Я думала, ребята просто хандрят. Оказалось, со всяким может случиться.

Я открыла балкон настезь. Оттуда попахивало. Если растревожившее мое обоняние было запахом выдуманных девушек, то они за почти месяц поисков работы и жилья в Москве ни разу не почистили зубы и не приняли душ. Еще бы им рекрутеры симпатизировали! Телефон, за который, как и за свет, мне предстояло платить самой, можно было раззять на трубку с полустертými цифрами на неподатливых резиновых кнопках и сильно нагревающееся пластмассовое основание. Я набрала номер пражской гостиницы, где остановились мама с Севой, и, дожидаясь соединения, вышла на балкон. Слева высился древний кухонный «солдатик», забитый кусками обоев, дырявыми кастрюлями и закопченными чайниками. Справа стояла огромная коробка из-под телевизора. Мой чуткий нос подсказывал, что она, а не соседские объедки является источником своеобразной недокучливой вони. «Наверное, овощи перебрать забыли, а тут жара», – подумала я, сердито распахивая верхние картонные створки. И, не помня себя, завопила:

– Ой, мамочка!

– Да, дочка, я здесь. Что случилось?

Я отпрыгнула от коробки и ринулась в комнату, потом в кухню, ища слезоточивыми глазами свою утешительницу. Только через минуту сообразила, что прижимаю плечом к уху телефонную трубку, из которой доносится ее бодрый голос.

– Соскучилась, – пробормотала я.

– Мы по тебе тоже, но выражаем это мягче и естественнее, – заметила она.

Увиденное мною могло быть только галлюцинацией, и в четырех стенах это само собой разумелось. Поэтому я поболтала со своими почти эйфорично.

– Поля, такие резкие смены настроения детей обязаны по уверениям медиков настораживать родителей на предмет наркотиков, – заключила мама. – Мне уже настораживаться?

– Отдыхай безмятежно, – сказала я. – Ты же знаешь, я и без дури дурная.

– Да, это лучший повод для безмятежности, – вздохнула она. – Мы с Севушкой сейчас отправляемся в зоопарк. А ты куда?

– На балкон, – вырвалось у меня.

– Уборку затеяла? Не буду мешать благому порыву. Не бросай, не доделав, как обычно.

– Тут бросишь! – взвыла я, снова переставая владеть собой.

Мама радостно засмеялась, наверное, вспомнив нечто связанное с моим младенческим неумением доводить дело до конца. Но вместо того, чтобы и меня поразвлечь, вдруг сурово потребовала отчета:

– Ты, собственно, у кого прибираешься, дочка? Если мне память не изменяет, у тебя не балкон, а лоджия. И у Измайлова тоже.

– А я сказала балкон?

– Поля, осторожней там. Надо сначала рвать с одним мужчиной, а потом заводить следующего. Тем более, если предыдущий вооружен пистолетом. И вообще, что у тебя за манера сразу разбирать чужой хлам!

– За кого ты принимаешь моих знакомых? За профессиональных старьевщиков? – автоматически отозвалась я.

И, вспомнив с ее подачи об Измайлове, почувствовала дрожь в коленях и плюхнулась на стул. Мама не дождалась клева признаний, свернула заброшенную удочку и дала отбой. Все мои преступные художества промелькнули передо мной, будто я умирала. «Вик меня точно застрелит. Только не за измену, а за использование фальшивых документов. Обидная причина. Нет, мне все померещилось. Я должна в этом убедиться, и ноги моей больше тут не будет. Какое-то ведьмацкое логово с глюками», – пылко думала я и не шевелилась. Еще немного себя поугovarивала, после обругала, затем поумоляла, но все-таки выволокла на балкон. Увы, из открытой коробки в никуда по-прежнему смотрели какие-то бесцветные глаза молодого покойника. Я зажмурилась, едва не убившись, преодолела крутой балконный порог и набрала номер Виктора Николаевича Измайлова. Слушала гудки и душила в себе желание сжечь паспорт, регистрационную справку, диплом, выбросить ключи от этой и не вылезать некоторое время из собственной квартиры. Но полковник откликнулся. Я обреченно и сбивчиво поздравила его с тем, что он бесперебойно нужен обществу.

– Давненько ты не множила моих седин, – упрекнул Вик.

– За все приходится платить, милый.

– Боюсь, на этот раз и тебя расплата не минует. Жди, скоро приедем.

– С Балковым? – спросила я.

– И с Юрьевым, детка, и с Юрьевым. Должен же кто-то сказать тебе, что мы все думаем.

– Только следи, чтобы он не сделал то, что все вы мечтаете сделать, – жалобно попросила я.

– В смысле? – рыкнул Измайлов.

– Чтобы не пришиб меня ненароком.

– Ненароком исключено. Это может быть только осознанное, выстраданное действие.

Полицейская самооборона. Послушав о том, что ты вытворяла, как нам мешала, его оправдает любой суд.

– Убийцы! Обыкновенные потенциальные убийцы! – гневно бросила я.

И с отвращением воткнула трубку в питающее устройство.

Минут через сорок мое тоскливое оцепенение было снято полковником и двумя капитанами – Сергеем Балковым и Борисом Юрьевым. Крепыш Балков приветливо и тревожно улыбался. Мой «адвокат Бога». Он не обращает внимания на мою заполошность, потому что я «быстро соображаю», но не понимает меня совершенно. Себе Сергей запрещает думать. По его мнению, помыслы губят расследование. Парень собирает в огромном количестве

самые разные, часто не относящиеся к делу факты, только бы были фактами, пока они хором не возопят очевидное. Борис Юрьев, как выражалась моя бабушка, из тонких и звонких. Тонок он во всех смыслах, признаю. А стоит задеть его за живое, начинает звенеть идеями, предчувствиями, предположениями. Не человек, а воплощенное «помяните мое слово». Этот адвокатствует от дьявола, приписывая мне и те грехи, коих я не совершала. Как мы с ним собачимся ведомо лишь Балкову и Измайлову. Сергея это расстраивает, он трогательно старается нас помирить умоляющим: «Люди, не ссорьтесь». Виктор Николаевич молча извлекает из наших буйных споров нечто, позволяющее раскрыть любое убийство, и оставляет воевать дальше. Пока мы изощраемся в доказательствах идиотизма друг друга, полковник, глядишь, уже вычислил душегуба. Так и сосуществуем. Несмотря на то, что талантливый Юрьев ходит у Вика в сыновьях, а, по-моему, не бесталанный, но просто иначе одаренный Балков в пасынках, ребята чисто и мужественно дружат. И за эту способность я прощаю обоим все.

Взглянув на мою находку, мужчины хладнокровно закрыли балкон, расселись в продавленные истертые кресла с деревянными подлокотниками, коих в квартире насчиталось пять штук. Из вредности я примостилась на такого же качества диване.

– Что ты тут одна делаешь? – поинтересовался полковник.

Лицо у него было, как у дитяти, ожидающего сказку, которую ему тысячу раз читали. Он всегда дает мне завраться, прежде чем приступает к допросу. Я честно поведала обо всем, связанном с квартирой. Распространяться о липовых дипломе и регистрации не хотелось, поэтому я трусливо не затронула тему работы. При уверениях в необъяснимости природы обуявшего меня ни с того, ни с сего желания побывать здесь осуждающе морщился Сергей Балков. При покаянной демонстрации договора и чужого паспорта – Борис Юрьев. Виктор Николаевич Измайлов мимику не задействовал. Бесстрастно кивал время от времени, мол, кто бы сомневался, что этим все кончится. Именно так порок и наказывают. Чем очевиднее они скорбели по мне, некогда милой и законопослушной, тем злее я становилась. Уже казалось, что в жизни не совершила ни единого дурного поступка, даже не помыслила ничего худого. И вообще, полиция во всем виновата. Распустили преступников, женщине квартиру без отвратительного сюрприза снять невозможно. Я крепилась, сколько могла, а потом выложила им последнее свое соображение.

– Лучшая защита – нападение, – согласился полковник. – Но этот вечный номер у тебя не пройдет. Еще не поняла, в какой ты опасности? Труп с балкона будут убирать. А ты, Поленька, жива, пока его не обнаружила.

– Но ведь я его уже...

– Именно, именно.

– Не пугайте меня, пожалуйста.

– Да ты пуганая, – вступил в диалог Юрьев. – Поэтому без трепета воспримешь следующее. Тебя угораздило наткнуться на останки господина Сереброва Николая Николаевича, коммерческого директора фирмы «Реванш», пропавшего пять дней назад. Его фото уже впаялось в нашу память, поэтому сомнения исключаются. Убийство одного из руководителей отечественной «бизнес-структуры» – это что-то. Из него не ниточка потянется, а паутина, вероятно, с другими трупами. Паспорт ты задействовала чужой, повезло. Но, если намечается крутой поворот событий, навлекла беду на потерявшую его знакомую, не исключено. Как всегда в своем репертуаре, Полина.

Я мгновенно представила себе, как убийцы едут в Нижний Новгород по невинную душу приятельницы, и взвыла:

– Так почему вы сидите? Надо срочно изъять второй экземпляр договора у хозяина! А больше обо мне никто ничего не знает!

Я сама не поверила своему голосу – он меня будто наждаком по ушам потер. Блюстители порядка соблюдали полную тишину и не переглядывались.

– Насколько я разбираюсь в людях, с Серебровым ты знакома, – веско произнес Измайлов.

– Нет!

– Не кричи, не дома. И дома тоже не кричи, – насмешливо призвал Юрьев, заменив привычный в этом выражении глагол «ори», видимо, из уважения к полковнику.

И тут меня прорвало:

– Я не дома? Я, господа хорошие, очень даже дома. В течение ближайшей пары месяцев, во всяком случае. Я внесла залог и аванс.

– Как скажешь, – нежно и печально улыбнулся Вик. – Мы уходим. А ты вызывай полицию, объясняйся. Можешь через два месяца.

– Погодите, шантажисты. Живым Сереброва я никогда не видела, клянусь. Похоже, дело обстоит гораздо хуже. Я вчера устроилась на работу в его «Реванш». По тому же паспорту. И еще мне умельцы диплом и регистрацию соответствующие сварганили.

Привставший для убедительности Юрьев рухнул в свое кресло.

– Зачем, Поля? – простонал Балков. – Пусть тебя выгнали из газеты. Но ведь собственных документов не лишили.

– Не выгоняли меня, Сергей. Хотя я, было, подумала, что главный редактор как раз собрался. Разве я виновата, что именно в отделе кадров «Реванша» мое терпение лопнуло? Менеджер по персоналу была очень заносчивой. Разве я могла предположить, что труп их коммерческого директора лежит в коробке на балконе в квартире, которую я сняла? Сплошные совпадения!

– Ничего не понял. Виктор Николаевич, что делать? – с непривычной растерянностью спросил Юрьев. – Она действительно влипла. И мы с ней. Кто поверит в такие совпадения?

– Сергей, у тебя вопросы есть? – повернулся к Балкову непроницаемый Измайлов.

– Есть. Почему вы сказали, что труп с балкона будут убирать?

– Полину хотел отсюда отвадить. Но ведь и так ясно, что если его находят здесь, нам есть, за кого цепляться – хозяин, соседи, подростки и старушки во дворе. Что-то помешало сразу вывезти коробку. А на улице слишком тепло, чтобы оставлять ее надолго.

– Можно вклиниться в вашу беседу? – вырвалось у меня, хотя безопаснее было бы прикусить язык. – Ну, снял человек квартиру, ну, нашел на балконе подарочек. За что его убивать? А вы, кажется, на расправу со мной намекаете. Перестаньте хитрить. Желаете воспользоваться ситуацией и посмотреть, кто не сегодня так завтра явится за трупом? Устраивайте засаду. Эта моя квартира – ваша квартира. А я в другой своей попишу.

– Между прочим, за балконом могут наблюдать. И тебя, и нас возле коробки уже видели. Но суматохи нет, – проворчал Юрьев. Ему не нравилась скорость, с которой я восстановилась.

– И? Борис, женщина испугалась, вызвала на помощь мужчин, они явились, глянули, выматерили ее и врассыпную. Нормальная сейчас реакция. Наблюдатели убедятся – никто в это проклятое место не возвращается. Откроют отмычкой дверь и унесут свой «телевизор». А потом пусть баба доказывает, что ей не померещилось, если отважится. Я нечто подобное в кино видела. Покарауйте этой ночью. Останется труп неостребованным, я вам его завтра снова найду. Тем более, что преступники могли специально его тут спрятать. Убили человека где-то, упаковали и пристроили именно на этот балкон. Вдруг они так хозяина подставляют или того, кто до меня эту квартиру снимал?

– Виктор Николаевич, она начала версии лепить, – пожаловался Борис. – Скажите ей, пусть перестанет думать.

Я не рискнула хихикать. Предпочла метод серьезного убеждения:

– Чего тут думать? Действовать надо. Вы не можете с соседями побеседовать, потому что еще не решили, обнаружили труп или нет. Зато мне не грех с ними познакомиться. Вам к хозяину не подступиться. С какой стати полиции его беспокоить? А я хочу ему позвонить и сказать, что кран в ванной течет. Вы сунетесь в фирму – все по верхам. А мне туда в понедельник на работу выходить. Личный помощник босса – не хала-бала. В общем, я готова искупить свою вину с документами этим, как его, ударным трудом.

– Ты еще пообещай смыть ее кровью, – недовольно сказал Балков. – И вполне вероятно, что тебе удастся. Не слушаешь Виктора Николаевича, свою линию гнешь. Совпадения у тебя сплошные! А преступникам верняк подавай. И, если ты тут уже засветилась, но тревогу не забила, у них нет гарантий, что труп не видела.

Потом, коробку вынести элементарно. Но они ее почему-то бросили. Вдруг в квартире еще что-нибудь припрятано? Конечно, решат, девушка все углы обшарила...

– Так ищите! Только не надо синхронно кривиться и говорить, будто вам необходимы понятия, прокурор, эксперты.

Они начали ерзать и переглядываться. Самая пора была повиниться опять:

– Кстати, если вам без надобности служебные неприятности, наденьте хозяйственные резиновые перчатки, в ванной есть. А то везде только отпечатки ваших пальцев останутся. Я вчера все пропылесосила, отмыла и оттерла полиролью.

– Нет, – всхлипнул нервный Юрьев.

– Зачем, Поля? – сокрушенно повторился Балков.

– Чтобы девочкам поуютнее было, – чистосердечно лягнула я.

– Каким девочкам? – сдавленно поинтересовался Измайлов.

– Не настоящим, выдуманным провинциалкам. Думаете, я сняла квартиру? Они. Вернее, не знаю пока, которая из них. Первая приехала с билетами в оба конца, вторая – в один. А та, которая нервная клетка Москвы или наоборот, не считается.

– Все! – прошептал Юрьев.

Надо полагать, это относилось ко мне. Если Вик хотел сохранить хоть каплю авторитета, он обязан был сейчас пригласить меня в кухню, через десять минут отдать ученикам узел с моим бездыханным телом и приказать закопать его в лесной чаще.

– Может, она кое-как прибралась? – тихо заступился добрый Балков. – Женщины по настоящему не умеют.

– Если она прибралась, значит, стерильно, – сказал полковник.

– Спасибо, – зарделась я.

Измайлов ответил взглядом, в котором было все. Но я благо разумно напомнила себе, что, будучи существом недалеким и философски не подкованным, имею право не прочитать в его усталых карих глазах ничего. На всякий пожарный выпалила:

– Я же не знала, что на балконе труп.

– В следующий раз начинай с балкона, – желчно посоветовал Юрьев.

– Следующего раза не будет, – предрек Измайлов таким голосом, что даже Борис поежился. А потом просветлел лицом. Разумеется, благородный полковник сам меня прикончит и сам похоронит, не привлекая сотрудников. Мне стало как-то скучно. И тут в дверь позвонили.

4

– Если долго бездействовать, обстоятельства распоясываются, – проворчал Измайлов. И обернулся ко мне: – Иди, горе мое, открывай.

«Не горе, а радость», – мысленно возразила я, скорее по привычке, чем по убеждению. Вышла в прихожую, опасливо приложила к глазку и шепотом доложила последовавшему за мной Балкову:

– Какая-то женщина.

Он прижал палец сначала к губам, потом к уху и нарисовал им в воздухе вопросительный знак. Вот уволят из полиции, пойдет в какой-нибудь миманс.

– Кто? – прохрипела я.

– Соседка, – отозвался приятный, не слишком высокий голос.

Сергей скрылся в комнате. Я накинула цепочку и приоткрыла дверь на ее длину.

– Здравствуйте, – сказала невысокая в меру ухоженная дама лет пятидесяти. – Позвольте полюбопытствовать, кто вы? А то второй день под боком ходят неизвестные.

Я отцепила хлипкое защитное приспособление и храбро вышагнула к ней в узкий коридорчик с дверью, отделяющей в доме каждую пару квартир от лестницы.

– Здравствуйте. Вчера я сняла эту квартиру. Как раз собиралась представиться и познакомиться. Меня зовут Еленой. Жить буду одна, за порядочность своих друзей и знакомых ручаюсь и отвечаю, пристрастий к оргиям не питаю.

– Замечательно. Я – Вера Сергеевна, живу с мужем, сыном, снохой и внуком. Нам тоже не до шумных увеселений. Одна просьба, Елена, закрывайте дверь этого тамбура поплотнее, чтобы защелкнулась, у нас тут вещи.

Она показала на стеллаж от пола до потолка, уставленный обувными и еще какими-то небольшими коробками.

– Обязательно, Вера Сергеевна.

– На ночь мы запираем общую дверь на ключ и на цепочку. Я сама буду этим заниматься. Иногда сын со снохой задерживаются. Если вам предстоит поздно возвращаться, предупредите.

– Хорошо. Значит, случись мне выйти, когда вы уже закрылись, я по возвращении обязательно задействую ключ и цепочку.

Вера Сергеевна скорчила неодобрительную гримасу, мол, нечего шляться после двадцати трех ноль ноль. Однако сохранила доброжелательность тона:

– Видите, Елена, как легко и приятно договариваться. Я не понимаю, почему Иван так себя ведет. Можно было предупредить, что он опять сдал квартиру? Мы-то в своей живем постоянно, нам не безразлично, кто за стенкой.

– Конечно! Он должен был поставить вас в известность! – горячо согласилась я. – Мне и в голову не пришло, что вы не в курсе. А сам он, где же обитает?

– Представления не имею. Тут жила и умерла его тетушка. Мы с ней двадцать лет душа в душу. А после ее смерти началось! То он ночует, то сдает, то, не поймешь что. И ни слова нам. Месяца два назад сделал ремонт. Думали, для себя постарался. Но сюда сразу въехал какой-то мужчина. Теперь вы...

– Одиноким мужчиной? Какого возраста? После него сантехника в таком состоянии, что пасты с кислотой налет не берут. Второй день драю и без особого успеха.

– Сочувствую, Елена. Но, знаете, ваш предшественник выглядел аккуратным. Среднего возраста, среднего достатка. У него всегда было тихо, никто, похоже, не навещал. Создавалось впечатление, что он недавно развелся и оставил все семье. Пришел заселяться с одним чемоданом.

– А ушел?

– Мы и не видели. Поэтому я удивилась, когда сноха сказала, что ключами пользуется не он, а неизвестная женщина.

– Простите великодушно, Вера Сергеевна, но здесь днями никто не скандалил, не дрался? Я обнаружила, что одно кресло сломано. Надеюсь, Иван на меня не подумает.

– У нас, как ни странно, плохая слышимость, – равнодушно пожала плечами она. – Дикая вопли, конечно, долетают, но через открытые окна. Нет, ничего такого мы не слышали.

– А по ту сторону лифтов соседи как?

– Как в другой стране. Здороваемся не чаще раза в два месяца. Режимы труда и отдыха разные.

– Понятно. Спасибо, что навестили. Пойду заканчивать уборку.

– До свидания, Леночка. С моими домашними познакомитесь постепенно.

– Надеюсь. Удачи, Вера Сергеевна.

И мы разошлись по квартирам. Энергичная соседка могла посплетничать обо мне с мужем, сыном, снохой и внуком – суббота, утро, наверное, все дома. Передо мной маячили лишь три раздраженных убийщика. Им я и пересказала разговор с Верой Сергеевной, даже не пытаясь анализировать его по ходу изложения. Этот подвиг оценен не был.

– Средненько, – бросил Юрьев.

– Да что ты, Боря, Полина отлично ее потрясла, – безрадостным голосом возразил Балков. – Для первого раза, конечно. А почему ты назвалась Еленой?

Я не успела и рта раскрыть.

– Потому что по использованному паспорту она это самое и есть. И должна была выяснить больше, интервью брать умеет, – уперся Юрьев.

– Что вы все обо мне, да обо мне. Лучше научите всем коллективом, о чем беседовать с хозяином, – подлизалась я.

– О чем хочешь, – разрешил Измайлов. – Ты вполне органично дурочку валяешь.

Но ненасытный Борис решил сделать заказ:

– Виктор Николаевич, пусть спросит у него...

– Нет, – перебил полковник. – Мы уже все обсудили. Со стороны хозяина было безумием сдавать квартиру, не избавившись от тела. Следовательно, он не имеет представления о том, что хранится на балконе. Но настораживать его нельзя. Парень нам понадобится свеженьким.

– Вперед, Поля, – улыбнулся мне Балков.

– Можно уединиться в кухне? – попыталась обеспечить себе свободу слова я.

– Не стоит, – ответил Вик. – Мой грозный кулак – лучший контролер.

– Он заменит мне совесть? – автоматически продемонстрировала знание советских лозунгов я.

– Было бы что заменять, – непримиримо встрял Юрьев.

Я пожала плечами и набрала номер Ивана.

– Привет, – весело откликнулся он. – Давай на ты. Ну-с, на новом месте снился жених невесте? И кто он? Олигарх? Поп-звезда?

– Какой там жених, еще вчера кран в ванной потек.

– Мелочь. Отковырни белый пластмассовый кружок в центре вентиля. Под ним обнаружишь винтик. Затяни его потуже крестообразной отверткой, верни кружок в исходное положение. Течь перестанет, гарантирую.

– А где отвертка?

– В шкафу на балконе.

– В шкафу или в коробке?

– В шкафу.

– Коробку можно выкинуть? Большая очень. У меня сегодня до балкона руки не дойдут, но завтра я им займусь. А из-за этого картонного гроба не повернешься.

– Выкидывай, мне не нужна. Только учти, что там остатки краски после ремонта. В стеклянных банках. Разберись, вдруг подмазать где-нибудь захочешь.

– Ладно, краска может пригодиться. Дальше, Иван, как найти предпоследнего жильца? Какую-то книжку без обложки оставил, счета, чеки. Выброшу, еще явится требовать свою макулатуру.

– Выбрасывай. От него только имя осталось – Петр. Мы с ним лишних бумажек не подписывали, по-мужски договорились. Он положил свой комплект ключей на тумбочку в прихожей, захлопнул дверь и отчалил по договоренности еще во вторник. Если забыл что-нибудь нужное, давно позвонил бы.

– Может, все-таки лучше тебе отдать?

– А мне на кой его макулатура, как ты выражаешься.

– Последнее, Иван. С кем и в чем ты не сошелся, когда пытался сдавать квартиру после ухода Петра этого? Я сегодня вожусь с замком, подходит какой-то мужик и нагло спрашивает: «Разве вы сюда переехали»? Меня вариант двух медведей в одной берлоге не устраивает.

– Перестань дергаться. Тот хмырь сначала согласился на все условия. Я и сказа тебе, подгребай через месяц. Но он посмотрел квартиру и отказался платить залог. Вот и расплевались. А любопытный мужик – наверняка сосед.

– Я соседей еще не видела.

– Увидишь и всплакнешь. Я с ними год ругался, чтобы не лезли в чужие дела и не учили жить. Ты держись потверже, а то изведут. Посылай по всем известному адресу, не дослушав. Мы, москвичи, народ склочный, но чужую силу просекаем с полунамека.

– Спасибо за совет. Значит, если я захочу остаться тут надолго, деньги каждое первое число, и ты сам за ними заходишь.

– Можем и в метро встречаться, мне все равно.

– Пока, Иван. Созвонимся.

Вынуждена признаться, что в течение всего диалога с хозяином опасного для жизни помещения кулаком мне грозил не только Виктор Николаевич Измайлов, но и Юрьев, и даже Балков.

– На грани фола, – подытожил Сергей.

– Это не так называется, – бросил Борис. – Это...

– Говори, – усмехнувшись, потребовал Вик.

Я изложила все с максимальной точностью. И заткнуться бы сразу. Но мне еще никогда не удавалось вовремя остановиться. Я из тех, кому легче не начать, чем прекратить.

– Интересно, где Сереброва убили? Иван знает про коробку, но думает, что в ней только краска, раз позволил вынести в мусорку. Господа сыщики, а не воспользоваться ли вам его разрешением? Забирайте ее, и долой неприятности.

– Нас принимают за обслуживающий персонал труповозки, – нахохлился Юрьев.

– Поленька, тебе пора домой, – сказал Измайлов. – Мы сами разберемся. Ты сделала все, что могла. И гораздо больше, чем нужно. Обсудим твои проблемы позже.

– А они у меня есть?

– Есть. И не создавай себе неразрешимых. До вечера.

Что мне оставалось? Я отдала полковнику ключи. Про второй комплект никто не спросил. Я вспомнила, что Петру Иван предоставил только один, но зацикливаться не стала.

– Пока, сыщики. Я вам невыразимо признательна.

Потрясенные моим редкостным благоразумием, все трое поднялись и проводили меня стоя.

– Корчат из себя страсотерпцев, – процедила я, спускаясь по лестнице.
Что цедили они, не знаю. Но догадаться не трудно.

Глава вторая

1

Минут через двадцать я убедила себя в том, что не подложила убойщикам свинью, а оказала неоценимую услугу. Во-первых, обнаружила труп пропавшего человека, которого они безуспешно разыскивали. Во-вторых, обеспечила крепкую привязку к месту. Вот вывезли бы тело к черту на кулички, нашли бы его там через полгода и бились головами об стены, гадая, где совершено убийство. В-третьих, даровала шанс задержать преступника или преступников, явившихся за страшной коробкой. И вместо общего благодарного поклона – «пошла вон»? Возмутительное бессердечие!

Затем мысли мои перекинулись на провинциалок. Сняла бы девушка, все равно которая, квартирку. Жуть. И никого близкого рядом. Сыграв все вариации на тему «сами мы не местные, а у вас на покойника наткнулись», я трезво закруглилась: «При чем тут прописка? Если бы не близость с Измайловым, я и себе не позавидовала бы».

Добравшись до дома, я сварила кофе, взяла пару сигарет и самую маленькую пепельницу... Рука тянулась к большой, но знакомый психиатр посоветовал ставить перед собой, неумной, такую – на один – два окурка. Бегать опорожнять лень, при взгляде на заполненную посудинку возникает ощущение, что накурилась. И пачку не велел класть на видном месте. Я старалась все выполнять и дымила реже. Очень не хотелось кашлять по утрам, как многие мои приятельницы. Устроившись в своем любимом громадном кресле, в котором могу спать, свернувшись калачиком, я вспомнила, как Юрьев просил Измайлова запретить мне думать, и засмеялась. Собственно, и на время заглатывания кофеина с никотином размышлений о найденном трупе не хватит. Убойщики возьмут лихих ребят, эффектно возьмут. Если полковник прав, сегодня же. Разве что для очистки интеллекта от ржавчины вообразить, как мертвое тело очутилось в коробке, на балконе предназначенной к сдаче квартиры. Вскоре я навоображала такого, что самокритично усомнилась в наличии у себя не только интеллекта, но и разума. И пустилась во все тяжкие. Какой с безумной женщины спрос.

Итак, Николай Николаевич Серебров, коммерческий директор фирмы «Реванш», где мне посулили зарплату в конверте, исчез пять дней назад, то есть в понедельник. Куда в таких случаях обращаются граждане и гражданки, не дождавшиеся на ночлег родственника? В райотдел. А это далековато от Измайлова. Значит, чтобы фотография Сереброва примелькалась его сыскарям, полковнику должно было приказать заниматься поисками начальство. Либо Николай Николаевич родственник кого-то из сильных мира сего, либо друг, а то и кормилец, либо отдел Вика задействовали в кривых-косых рамках некой масштабной операции.

Во вторник мужчина по имени Петр положил на тумбочку в прихожей ключи, забрал свой единственный чемодан, захлопнул дверь и покинул временный приют. Во вторник же днем я впервые позвонила Ивану. Он перенес разговор сначала на вечер, потом на утро среды, когда и сообщил – квартира сдана. Потому что опередивший меня «хмырь» согласился по телефону на условие залог плюс аванс. Любопытно, тогда Иван тоже про себя называл его хмырем? В среду вечером или в четверг утром они встретились в квартире, и после ее осмотра разочарованный съемщик отказался платить залог. То ли решил, что за такую дыру и семьсот баксов много, то ли, поразмыслив, не пожелал отдавать двойную сумму – жилье нужно всего на месяц, а физиономия хозяина, честно говоря, и мне доверия не внушила. По словам Веры Сергеевны аккуратный, тихий, среднего возраста и достатка Петр соседствовал с ней два месяца. Вероятно, как и я, принял предложение Ивана: за залог можно еще

тридцать дней пожить. Но Иван не настаивал. Залог – его гарантия, реально было договориться и о возврате. Однако «хмырь» уперся, Иван, зная, что есть еще одна желающая, тоже не уступил. В четверг вечером он позвонил мне, а в пятницу мы ударили по рукам.

Очевидно, что хозяин не знал о трупе. Иначе не показывал бы квартиру. Парень, который не собирался раскошелиться, вряд ли добрался до балкона. Достаточно было взглянуть на прихожую, чтобы объявить Ивану – дорого. Я не намеревалась там жить, поэтому лишь равнодушно посмотрела в окно. Но нам с «хмырем» не возбранялось влезть в любую щель, не говоря уж об огромной коробке, занимающей половину тесного балкона. Осуществив подобие ремонта перед вселением Петра, бережливый Иван сложил туда банки с остатками краски, которые посоветовал мне не выбрасывать вместе с картоном. В уверенности, что только они там и находятся, он и пребывал.

Но поскольку ставшая гробом тара принадлежала Ивану, Сереброва убили либо в квартире, либо в подъезде. Тело упаковали, а вынести не смогли. Надо полагать, коммерческий директор «Реванша» был невелик ростом и хрупок сложением, если поместился в коробку. И все равно поднять ее и нести не всякому мужчине под силу. Получалось, убийца был один, дождался, но не дождался помощника. Или такового не существовало: тогда труп забирать не будут. Возможно также, что преступнику помешали. Явился в гости некто, числивший его в порядочных людях, отнял время, а потом по подъезду начал шастать народ, во двор выбрались похмельные отпускники, собачники, бессонные старухи. Убийцей, разумеется, был Петр. И прикончил он Сереброва в промежуток времени от вечера понедельника до утра вторника.

Доклячившись мыслью до столь очевидного вывода, я уперлась в частокол загадок, который мне сразу не понравился. Жизнь есть преодоление препятствий, так что напрягли меня не сами колья, а незнание за ними сокрытого. Недавно я рьяно защищала дочку своей скорой на суд и расправу подруги. Ребенок не сообразил, что девица в темнице с косой на улице – это морковка, и мать немедленно зачислила его в бесперспективные тупицы. Моя мама говорит, что перестала «развивать» меня народной мудростью после многочасовой истерики, в которую я впала из сострадания к деду, напаявшему, вероятно в припадке старческого слабоумия, сто шуб. Тут одну мутоновую из последних сил носишь, ждешь, не дождешься, когда легкую куртку из шкафа достанут. Я ревела ревмя и твердила: «Конечно, сидит – встать не может, конечно, кто раздевает, тот слезы проливает – жалко же его, он вспотел». Утешить меня тем, что старый мученик символизировал собой луковицу, не получилось. Мама при мне ее чистила, давала нюхать, плакала то ли от летучих веществ, то ли от бессилия, то ли от злости – бесполезно. Поэтому я с чувством объяснила подруге, что надо было переехать из Москвы в деревню, родить дитя на грядке, завернуть в тряпицу, положить под деревце и продолжить рыхлить и окучивать. А, как поползет, научить зубами сорняки дергать. А, как заговорит, экзаменовывать по предмету овощеводство в игровой форме. Так же с любой загадкой. Чтобы справиться, необходимо жить в гуще разгадок. Представив себя в окружении множества супостатов, я едва не вернулась в детство до конца своих дней. Пришлось воспользоваться обычным приемом: вслух с собой побеседовать. После такой выволочки я ощутила повышенную готовность расшатывать и выдергивать любые колья, пробиваясь вперед, в неизвестность. Только бы не слышать больше собственного нудного морализаторства.

Предположим, Петр специально снял квартиру у безалаберного хозяина на окраине, чтобы убить Сереброва и оставить в ней его труп. И зовут Петра иначе, и не часто он в этой дыре появлялся, и договор с Иваном не заключал – виделись всего раз. Так что фоторобот подозрительного съемщика мало поможет сыщикам. Особенно, если расплывчато описанное Верой Сергеевной воплощенное середнячество облачится в дорогой костюм и усядется за руль иномарки. А такой вариант возможен. С кем попало Николай Николаевич в панель-

ную душегубку не сунулся бы. Из возраста, в котором реально заманить человека в чужую нищету, он давно вышел. Словом, убийца знал, что скромного Петра никогда не найдут, ибо его попросту не существует. Он поручил мертвое тело заботам Ивана или следующего жильца и полиции. Тогда последней впору было сочувствовать. Особенно одному полковнику, который веско изрек: «Труп вот-вот будут с балкона убирать». Да пожелай Петр его вывезти, заплатил бы хозяину еще за месяц, лишь бы тот не появлялся в квартире. А, скорее всего, вызвал бы такси, как-нибудь сволок коробку – второй этаж, два лифта, прокатился до другого медвежьего угла... Можно, можно было избавиться от главной улики. Я понимала, что выдумала Петра, интересного мне. Мужчина, который не заказывает врага, а убивает его сам, предварив убийство театральным действием перевоплощения. Это новое, которое хорошо забытое старое.

Гораздо тоскливее было думать, что какой-нибудь неудачливый разведенный Петр случайно встретил на улице одноклассника или сокурсника Кольку Сереброва и позвал выпить. Тот оставил машину на стоянке и поехал с ним. Сложные чувства иногда вызывают такие встречи. А, приняв на грудь, тот, который не смог стать бизнесменом и добраться до денег, смог ненароком сильно толкнуть Сереброва и обеспечить ему неудачное падение. Или прыгнуть ножом наугад и попасть в жизненно важный орган. Когда вернулся в разум, изобретательно спрятал труп, вымыл посуду, пол, прошелся тряпкой по мебели. Здравомысленно рассудил, что даже оставь он тело в картонном саркофаге на балконе, шанс его поимки один к стольким миллионам, сколько мужчин в Москве, если он вообще москвич, и смылся. Такого Петра достать еще сложнее.

Но худшим представлялся мне вариант подбрасывания трупа Петру ли, Ивану ли. Сколько человек пожило в квартире за год? Пять? Десять? И все были в курсе требований Веры Сергеевны относительно мер безопасности – цепочка накидывается на дверь тамбура только на ночь. В прочие часы при наличии ключей, изготовить дубликаты которых – раз плюнуть, вход свободный. Последили за тем же Петром, приноровились к его распорядку, переодевшись в какую-нибудь спецодежду привезли тело в коробке, переложили в стоявшую на балконе, вышли. Никто никогда внимания не обратит. Не исключено, что лично против хозяина и жильца эти подонки ничего не имели. Просто измывались над полицией. Дескать, разбирайтесь, болезные, кто к кому и что к чему. Чем дольше провозитесь, тем меньше вероятность, что и шальная сыщицкая удача, которая действительно есть, и которую редко принимают в расчет преступники, вам хоть подмигнет.

Самым простым для следствия было бы «назначить» убийцей Ивана. А что такого? Хозяин совершил преступление в отсутствие или сразу после ухода Петра. И труп на балкон пристроил сознательно. Надеялся, что его не заподозрят, если он будет, как ни в чем не бывало, сдавать жилплощадь. Иван, кстати, мог и соврать мне, будто не подписывал с Петром договор. Он понимает, что именно таинственный съемщик окажется под подозрением, и что сыщики не должны выйти на него ни в коем случае. Ужас, а вдруг Иван и Петра тоже умертвил? От такого смелого предположения у меня голова закружилась. Надо было немедленно звонить полковнику. Я спешно принялась изобретать мотив убийства Сереброва, чтобы отвлечься. Инстинкт сохранения любимых людей грубо подсказал: если я сейчас предложу Виктору Николаевичу искать в городе еще один труп, его может хватить кондрашка. Пусть уж сам дозревает до экстравагантных выдумок. Когда обычные версии одна за другой не подтверждаются, он, бывает, такое выдает, что я пару недель безоговорочно верю – мы с ним парные сапоги. Так, причина... А если Серебров тоже племянник почившей тетушки, не поддерживавший с ней отношений? Поздно узнал о ее переселении в лучший мир, предъявил Ивану претензии. Тот позвал его посмотреть наследственный замок. И избавился от родственника. Тогда, может, он и тетушку того? «Полина, остынь!» – велела я себе. И не без труда вновь переключилась на Сереброва. Сама квартира могла привести

того на окраину. Хотел спрятаться от кого-то там, где его вряд ли будут искать? Любовницу собирался поселить подальше от привычных мест обитания жены и богатых друзей? Тогда не он ли тот «хмырь», который якобы пожалел денег на залог? Вдруг, наоборот, достал полный бумажник валюты? У Ивана в башке помутилось, он убил и ограбил Сереброва. Скажем, во вторник, после ухода Петра. Ведь в понедельник вечером коммерческий директор мог просто загулять и не явиться домой. А на следующее утро решил взглянуть на квартиру, прежде чем трогаться в свой «Реванш» и объясняться по телефону с женой. Иван же, упаковав тело, начал метаться. Сначала собирался вывезти труп, поэтому отказал мне. Пораскинул мозгами, сообразил, что одному не справиться, а привлечь кого-нибудь слишком рискованно. И обрадовал иногороднюю девушку, мол, плати и заселяйся, милая, век Москвы не забудешь...

– Хватит, – громко сказала я, чтобы услышать. – Пока не выдумала поводов убийства Сереброва для самой себя, иди, готовь Вику ужин. Музыка послушай. Отрешись.

Я и не представляла, насколько устала думать о мерзком преступлении. Мигом выскочила из кресла, будто наказание покоем кончилось. Настроение вскипело радостью. И я понеслась на второй этаж к Измайлову, счастливо бормоча: «Сейчас я ему что-нибудь эдакое, с миндалем»...

А могла бы и с трюфелями, и фламбэ. Полковник не заметил бы. Он был непроницаем, как водопад. Ведь знаешь, что за частыми струями и обильными брызгами – скала. И почему-то все равно силишься разглядеть.

– Вик, милый, – не выдержала я, – ну, прости за паспорт, диплом, регистрацию. Будешь перевоспитывать?

– Нет. Чертовски хочется верить, что ты поняла, в какие неприятности меня втянула?

– Конечно! Только об этом и думала все время, пока ждала тебя! – воскликнула я, совершенно искренне полагая, что так оно и было.

Вовсе необязательно безостановочно себя ругать. Если совесть есть, она мается в автономном режиме, когда голова занята другим. И неожиданно выдает результат маяты – «прости» и нервная дрожь пальцев, которую я с удивлением сначала увидела, потом ощутила, берясь за чашку. Вик тоже не упустил из виду проявление моего подсознательного самобичевания и усмехнулся:

– Надеюсь, ты придумала, как я должен вытащить тебя из этого дела?

– Да напишите в протоколе, что о трупе вам сообщил какой-нибудь аноним. Или осведомитель. А еще лучше, что Юрьев снял у Ивана квартиру и обнаружил на балконе кое-что. Это же формальность.

Последнее я брякнула напрасно. Вик недовольно посмотрел на меня и снова замкнулся.

– Мне не дожидаться твоего прощения, милый? Тогда спокойной ночи. Юрьев с Балковым в засаде, надо полагать? А под балконом кого-нибудь поставили? Второй этаж, остекления нет, охотники за трупами могут попробовать забраться с земли. Потому что если Вера Сергеевна уже заперлась на цепочку, не побеспокоив ее, дверь тамбура не откроешь.

Измайлов сжимал и разжимал кулаки, кусал губы и вдруг расхохотался.

– Вик, ты чего? – тихо спросила я.

Полковник еще с полминуты предавался очищающему душу занятию, а потом весело бросил:

– Потрясающе! Неисправима в принципе. Неспособна на раскаяние и покаяние совершенно.

– Положим, раскаяние выражается покаянием. Покаяние – извинениями. Ты знаешь еще какие-то способы?

– Угу. После извинений надо вести себя соответственно. В данной ситуации ни слова больше не произносить об убийстве. Я уж было решил – выдержишь и молча удалишься.

Ладно, детка, тебе сегодня досталось. Испугалась порядком. Расслабься, ребята взяли двух красавцев, после того, как те убедились в том, что труп в коробке, и начали заклеивать ее скотчем. Вошли спокойно под вечер, двери тамбура и квартиры открыли дубликатами ключей. Вынос тела занял бы не более трех-четырёх минут.

– Ой, Вик, поздравляю! Но это очень, очень странно.

– Что именно?

– Приход за трупом. Ты гений, я не льщу. Как ты догадался? Вопреки логике.

– Чьей? – упрямо не терял обретенного дружелюбия полковник.

– Чьей угодно, милый. Я, например, пришла к выводу, что труп оставили в квартире специально.

– Зачем?

– Чтобы вас с толку сбить.

– Ты еще маленькая. А взрослые дяди, способные на убийство, понимают, что если вынести ночью труп, разумеется, без упаковки из квартиры в подъезд или запихнуть в лифт, то шансов раскрыть преступление у нас заметно поубавится.

«Будто сейчас их у вас не меряно», – подумала я, но рта не раскрыла. Вик мог говорить правду. Мог стараться меня запутать. Какое это имело значение? Передо мной на кухонном табурете восседал утомленный гордый победитель. Сказал, явятся голубчики в ближайшие часы, и те явились. Я не устояла и разделила с ним успех без колебаний.

2

С утра зарядил дождь. Он был какой-то робкий – прольется и уступит солнцу, снова попробует и затаится в тучах. Но я с удовольствием пробежалась. И смиренно выслушала за завтраком признание Измайлова в том, что ему нужно в управление. Подумаешь, воскресенье наступило. У полковника ненормированный рабочий день, ненормированная жизнь. Спросила только:

– А квартиру опечатали? Можно мне туда съездить? Вдруг Иван позвонит.

– Поленька, очнись. Для тебя эта история закончилась. Занавес.

– Точно, Вик. Короли и шуты стирают грим, переодеваются и становятся неузнаваемыми. И влипают в другие истории, подчас не менее захватывающие, чем на сцене.

– Сентиментальный бред.

– Нет, милый. Ты не хуже меня знаешь, что ничего путного от явившихся за трупом отмозгов добиться не удастся. Вам необходимо, чтобы квартира была обитаемой. Не обижайся, пожалуйста, но тело Сереброва никому не нужно, разве что родственникам.

– Женское коварство, – проворчал полковник. – Вчера называла меня гением и сама целовала, а сегодня...

– Вик, ты гений. Ты предрек, что труп будут выносить. Но оцени действие трезво – оно бессмысленно. Когда Балков задал тебе вопрос об этом самом выносе, ты, не раздумывая, сказал: «Хотел Полину отсюда отвадить». И привадил. Вик, в этой однокомнатной конуре есть еще что-то. Его будут искать. Искателям надо мешать хотя бы своим присутствием. По-другому убийство вам не раскрыть. Я обещаю, что не буду там жить. Но навещать, показываться можно. Вспомни, перед тобой не Полина Данилина, а Елена Емельянова из Нижнего Новгорода, которая завтра идет в «Реванш» на работу. Скажем, вчера я прибралась и отправилась ночевать к подружке. А сегодня вернулась домой. Почему бы вам не побеседовать со мной, как с остальными? Вам не следует опечатывать дверь, чтобы не вспугнуть меня. Человек, ухитрившийся снять квартиру с мертвецом, сыщикам по меньшей мере интересен. Вы ведь будете опрашивать соседей. Пусть Вера Сергеевна меня пожалует. Снять жилье за такие деньги и попасть в переплет. Кроме того, незавидное мое положение обязывает позвонить Ивану и потребовать назад аванс и залог. Но не раньше, чем вы меня посетите и расскажете, что произошло. А просто исчезать глупо. Не может приезжая девушка, отдав последние баксы, уйти бомжевать, даже не попытавшись их вернуть. Не подставляй меня, милый. Вам пока ничего толком не известно. А я не хочу, чтобы преступники заподозрили во мне конкурентку, которая умыкнула нечто и скрылась. Во тогда меня будут вычислять. И вычислят. Тогда я буду в опасности.

Я несла все это, не вдумываясь в смысл. Приступ красноречия вызвало плескавшееся в башке горячее желание участвовать в дальнейшем расследовании, не важно, в каком качестве. Если бы Измайлов меня не перебил, я изобретала бы еще какие-то доводы. Но ему хватило.

– Стоп! Ты полагаешь, что ранний выход из образа Елены Емельяновой равнозначен для Полины Данилиной гибели?

– Аргументы приведены, Вик. Подброшу еще один от интеллектуальных щедрот. Иван видел меня и документы. А если он как-то связан с «Реваншем»? Представляешь, обнаружит в фирме пропавшую жилищу, которая безвозмездно отдала ему деньги? Позволь тебе напомнить, милый, что вы еще не распределили роли. Причастен Иван к убийству? Или сослуживцы Сереброва подсуетились? И еще. Я многократно пуганая журналистка, как справедливо в кои-то веки заметил твой любимчик Юрьев, а не учительница начальной школы

из семьи библиотекарей. Мы с тобой в состоянии вдвоем разобраться? Или тебе надо посоветоваться с Борисом о моей участи?

– Та-а-ак, надавила на самолюбие. А перед тем пыталась внушить, будто я несправедливо распоряжаюсь твоей жизнью. Нет, детка, ты – типичная училка. Только я не перво-классник.

– Ты второгодник, Вик.

– Злишься?

– Злюсь.

– Тогда поезжай в свою квартиру.

– Еще раз, пожалуйста, милый.

– Поезжай в свою квартиру. Не выключай сотовый. Никому не открывай дверь. Если позвонят по телефону, говори, что сейчас занята, пусть попытаются еще раз через часок. И связывайся со мной каждые тридцать минут. Насколько я тебя знаю, ты не отступишь. А так хоть под контролем будешь.

– Слушай, приятно, что настолько знаешь. Только почему под контролем? Лучше уж под защитой.

– Мед, да еще и ложкой? – рыкнул полковник.

– Ты прав, не отступлю, – не стала дразнить его я. – Представь себе, каково сейчас Елене Емельяновой.

– Раздвоение личности, – грустно констатировал полковник. – Одно утешает: говорят, это лечится. Поиграй, детка. Но не заигрывайся. Ладно?

– Ладно. Когда я тебя подводила!

Он засмеялся. Я погладила его по руке, он меня по коленке. Встал. И ушел в управление.

Я была тронута. Обычно Измайлов запрещает мне даже речь заводить о его работе. Или все-таки службе? Как бы его бдения не назывались, у него есть право любить, беспокоиться, стараться ограждать от стрессов, но не запрещать. Поэтому я постоянно бунтую. Но в данном случае все сложилось иначе из-за недействительных документов. Сказал бы: «Не поедешь», и осталась бы дома. Потребовал бы второй комплект ключей, и сдала бы. Не разрешил бы трудиться в «Реванше», и искала бы другое место. Тут я прозрела – авантюры отменяются. Не только он меня, я его тоже знала. Если прозвучало «езжай», значит, Виктор Николаевич был уверен, что ничего со мной не случится. Он побаловал меня после, надеюсь, достойно пережитого страха. Всего лишь.

«Ну и пусть, – подумала я. – У кого как, а у меня неизменно возникает ситуация „этого никто не мог ожидать“. Просчитаю сто десять вариантов, реализуется сто одиннадцатый. Надо отправляться, пока Вик в эту зловещую квартиру Юрьева не пригнал. С него станется, с контролера. Доберусь первой и не пущу Бориса. Полковник никому не велел открывать. Пусть капитан стережет в подъезде, если больше нечем заняться».

Собиралась я торопливо. Вряд ли Измайлову пришло бы в голову оставлять нас с Юрьевым наедине, после того, что я вытворила с паспортом: кто-то из двоих мог пасть в рукопашной схватке. Но, коли уж расследующий убийства полковник дозволил поиграть, упускать возможность не стоило. Ибо, что наша жизнь? Вот и я о том же.

3

В коридорчике горел свет. Едва я вставила ключ в замок своей двери, рывком открылась соседняя, и в ее проеме предстали Вера Сергеевна с нездоровым румянцем на тугих еще щеках, а за ней вторым рядом – плотный мужчина лет шестидесяти от роду, худой высокий парень с красиво очерченным ртом и молодая светловолосая толстушка. Семейство глядело на меня и безмолвствовало.

– Кто к нам пришел? – крикнул выбежавший из комнаты мальчик лет восьми, похожий более на дедушку с бабушкой, чем на родителей.

Мать отработанным движением поймала его за рубашку, попросила не мешать и отправила, откуда явился. То, что попросила, а не велела, мне понравилось. Я поздоровалась. Четыре головы молча синхронно кивнули. Я сообщила, что рада видеть их всех вместе.

– Елена, вы вернулись? – неуверенно спросила Вера Сергеевна.

– Да. Вчера последний раз ночевала у подруги, отметили ее освобождение от меня. Взяла свой ноутбук и домой. Не ожидала столь торжественной встречи здесь. Вы за меня беспокоились?

– Скорее, не за вас, а из-за вас, – укоризненно процедила сноха, явно пытаясь на глаз меня взвесить, и подозрительно косясь на мужа.

– Сорок семь килограммов за счет диеты и гимнастики, – щедро облегчила ей жизнь я.

– Что? – нервно воскликнула Вера Сергеевна.

– Какова суть претензий, уважаемые соседи? Я ушла примерно через час после нашего с вами, Вера Сергеевна, знакомства. Дверь захлопнула качественно, думать о цепочке было рано...

– А потом в квартире толклось множество каких-то мужчин, нас звали в понятия, в общем, на балконе в коробке из-под телевизора нашли труп парня. Кошмар! – выпалила блондинка.

Не только глаза ее, а, казалось, и зубы блестели злобно. Вот так всегда с полными женщинами – стоит упомянуть диету и гимнастику, звереют.

– Не может быть! – отступила я, сообразив, что картинно отпрыгнуть в такой тесноте не получится. – Господи, спасибо, что не занес меня вчера на балкон. И вам спасибо, что предупредили. Сейчас же позвоню хозяину, потребую назад деньги и уеду к подруге. Повезло еще, квартиру не опечатали.

– Опечатали. Но час назад с нами беседовал капитан Балков. Он, уходя, почему-то снял бумажку, – сообщила Вера Сергеевна.

– Наверное, чтобы вас не вспугнуть, – приветливо улыбнулся обладатель изумительного рта.

Мать оглянулась на него. Даже на секунду обратившийся ко мне затылок ее выражал негодование. Жена ткнула шутника в бок. И он безразлично уставился в замкнутое пространство. Тут дверь тамбура отворилась, и на пороге возник полковник Измайлов собственной персоной. Я едва не бросилась ему на шею с воплем: «Милый, избавь меня от этих скучных людей!» Виктор Николаевич посверлил меня испытывающим ехидным взглядом и мрачно спросил Веру Сергеевну:

– Пропадшая жилица, надо думать, нашлась?

Дружная семья в ногу сделала шаг назад. Жена, мать и бабушка в одном побледневшем лице раздраженно пробормотала: «Я же просила захлопывать до щелчка, Елена. Именно, чтобы никто не вошел». И потянула за ручку, мигом образовав между нами обитую черным коленкором преграду. Проблеск света в глазке на ней сразу исчез. Кто прильнул к нехитрой оптике, было ясно.

Вик понимал, что все еще на публике. Он махнул перед моим носом удостоверением и быстро сказал:

– Майор Иванов. Мне необходимо задать вам несколько вопросов.

– К-кто? – переспросила я, давась смехом.

У меня едва хватило сил открыть и пригласить:

– Проходите, господин майор.

– Здоровее было бы отрекомендоваться генералом? – прошипел Измайлов, оказавшись в прихожей.

– Ну, хоть подполковником. Самопонижение в звании не плохая примета? Не разжалеют?

– Я не суеверен.

– Вик, не обижайся. На самом деле, конспирация – это что-то. Ты подозреваешь мужскую половину четверки за стеной? Я бы остановилась на женской.

– Поленька, между прочим, люди вчера пережили шок. Когда я уходил, в коридорчике душашающе пахло корвалолом. А ты почему-то не сочувствуешь.

– Потому что не выношу, когда четверо выходят на одного, тем более на одну. Но согласишься, милый, у них были и возможность, и мотив. Ключ от старого английского замка подобрать нетрудно. Потом, сплоченное семейство с прежней хозяйкой двадцать лет душа в душу сосуществовало. Возможно, она им давала ключ, когда уезжала. И они сделали дубликат. А двоих мужчин более чем достаточно, чтобы заломать Сереброва.

– О мотиве не забудь.

– Зависть. Им тесно в трехкомнатной, им действительно не помешала бы соседская квартира. Но она досталась оболтусу, который даже жить в ней не собирается. Она его обогащает. Вынести такое мало кому удастся. Они убили Сереброва по неизвестным нам причинам, а труп подбросили Ивану. Им будет легче, если убийство повесят на него, отправят в тюрьму, и квадратные метры надолго опустеют. Или они вынуждают наследника продать им собственность по дешевке. Как бы эти любители корвалола не додумались умерщвлять всех съемщиков. Петру повезло – у них уже было мертвое тело. А вот на мне везуха может и отдохнуть.

– Юморок у тебя дегтярный, – не одобрил моего выступления Измайлов. – Поленька, нам необходимо серьезно поговорить.

Будто предполагались иные способы времяпрепровождения в этой квартире.

– Если необходимо, поговорим. Я принесла турку, чашки, кофе и нормальную воду.

– А я купил две булочки.

От такого признания я чуть не прослезилась. Снова чуть не. Плохо. Когда мне раз за разом приходится недовыражать чувства, последствия измеряются во многих децибелах.

– Откуда ты знала, что я приду? – спросил Измайлов, узрев на столе свой бокал, которым редко пользовался дома.

– Я не знала. Я хотела, чтобы ты пришел, вот и захватила.

– Черт, а разговаривать все равно надо, – не без сожаления отставил нежности полковник.

– Тогда начинай. А я сварю кофе.

Газовой плите было лет тридцать с большим. Слабое, но хотя бы равномерное пламя выдавала лишь одна конфорка. Пользоваться остальными я поостереглась бы.

– За сколько ты это сняла? – поинтересовался Вик. – Идеальное место для выработки чувства брезгливости.

– За семь сотен. В месяц. Английский гость моей приятельницы подобрал себе жилье в центре города по Интернету. В смысле московское жилье подобрал, будучи в Лондоне. Она, наивное создание, скаталась в агентство, заплатила тысячу баксов за каждые сутки пребы-

вания, коих всего намечалось десять, взяла ключи и не додумалась проверить. Он прилетел, подруга сразу привезла его в снятую, заметь, однокомнатную квартиру. А там стены в кетчупе, пол в жирных липких пятнах, сантехника разбита, кафель грязный, по углам бутылки и ошметки, не разберешь чего. Ремонт, оказалось, сделать проще, чем отмыть. Ладно, извинились, за день приведи в надлежащий вид. Поселила. К вечеру у него сломался унитаз, телевизор показывал в пол-экрана, розетка искрила, и он недоумевал, почему из крана с горячей водой ничего не течет. Бедолага разделся, успел намылиться, но смыть пену для душа было уже нечем. «Только не выходи в подъезд звать дворника», – засмеялась она. Он не понял. К концу ее рассказа о злоключениях инженера Щукина, дали кипяток. Тогда до гордого брита дошло. Остальное было поправимым: звонок в агентство, обещание прислать утром сантехника, телемастера и электрика. Она опять доверчиво не уточнила, на которое утро...

– Хочешь – верь, хочешь – не верь, детка, но я не отказался бы сейчас от бытовых проблем, – соизволил улыбнуться Измайлов.

– А какие у тебя?

– Твои.

– Вик, я оценила. Ты нашел своеобразную, но четкую форму приглашения к сотрудничеству.

– Кого? – опешил полковник.

– Меня.

Измайлов обеими руками взъерошил шевелюру. «Сейчас будет рвать на себе волосы или погодит»? – подумала я. Он предпочел отпить кофе. Я испытала беспредельное разочарование – теряла способность вызывать в мужчине яркие эмоции. А мне еще нет тридцати. Что же будет дальше?

– Расскажу тебе все, как есть, – угрожающе посулил полковник.

– Если это тайна следствия, то не обязательно, – струсила я. – Подожду, пока не закончите.

Потому что обычно он не сообщает, ни как было, ни как есть, ни как будет. Откровения Виктора Николаевича на служебную тему – это же форс-мажор. Вик начал излагать факты не спокойно, но бесстрастно. И в этом полутоне таилась состоявшаяся полицейская трагедия «висяка». Я пыталась посмеяться над собой за склонность драматизировать ерунду, но не смогла. Какой уж тут смех.

С проникшими в квартиру ребятами, бравшимися за щекотливые поручения «старших товарищей» поочередно бились Юрьев, Балков, сам Измайлов. Но те слово в слово повторяли одно и то же: позвонил мужик, естественно, не назвался, не сослался на рекомендации прежних клиентов, предложил нормальные деньги за работенку не для брезгливых. Надо было сесть на правый край определенной парковой скамейки в девять вечера пятницы, пройти ладонью по доскам под собой и взять прикрепленный скотчем пакетик с адресом и ключами. Поехать в субботу на неприметной машине, прозвонить квартиру. Если в ней кто-нибудь есть, ждать, пока выйдет. Потом проникнуть внутрь, вынести коробку, отвезти в лес, вынуть труп, обыскать. Все, найденное в карманах, запаковать. О теле можно не заботиться. Вернуться в город и сидеть возле телефона. Заказчик сообщит способ обмена мелочей покойника на вознаграждение. Уложиться надо было в сутки. Но сволочные молокососы признались в этом только утром, когда срок надежно истек.

– Накаркала, – сварливо упрекнул полковник. – «Оцени действие, оно бессмысленно». Как видишь, смысл в выносе был. А нам никакого толку.

– Этого я предугадать не могла, Вик. Зато наличие у Сереброва чего-то, нужного то ли убийце, то ли сообщнику, то ли свидетелю убийства, проинтуичила.

– Похвалить?

– Обойдусь. Так что было в карманах?

– Носовой платок.

– А в квартире?

– Сама тут генеральную уборку произвела. Знаешь ведь, ничего.

– Я-то знаю, а таинственный дяденька – наниматель этих отмороzków – нет.

– Поэтому я и заговорил о твоих проблемах.

– Это еще не проблемы, милый. Во всяком случае, пока убойщики активированы и рыщут вокруг дома. Как Сереброва убили?

– Хладнокровием кичишься? Напрасно. Коммерческому директору «Реванша» свернули шею. Он был худ, мал ростом и не спортивен. Труда не составило даже для не владеющего приемами рукопашного боя. Ну, рассуждай, искательница приключений.

– Охотница на неприятности, с твоего позволения. Ведь предупреждала главного редактора, как сердце чувствовало. Когда Сереброва умертвили?

– Ориентировочно в ночь с понедельника на вторник. Но эксперты допускают, что и во вторник. В неточностях просят винить жару. У хозяина – алиби. Правда, пьяное, в дешевом вечернем платье и на неопрятной постели. Но клянется и божится, будто уже неделю не выпускает своего Ивана на улицу. Только в магазин за пивом и сигаретами – пятнадцать минут. Он отлучался на полтора часа в четверг утром показывать квартиру, в пятницу – сдавать. На фоторобот Петра без слез не взглянешь. Даже ты на него похожа. И оба соседа. И Юрьев с Балковым.

– А ты?

– И я к сожалению.

– Со зрительной памятью соседней все ясно. Но почему ты веришь сожительнице Ивана? Нетрезвые женщины особой правдивостью не отличаются.

– И трезвые тоже, – многозначительно прищурился полковник. – Еще вопросы есть?

– Кончились. Вик, не убийца же послал мелких жуликов вывезти труп. Полагаю, главным был не вывоз, а обыск, который он собственноручно произвел, когда сломал Сереброву шею. И все, покойник его больше не занимал, квартира Ивана тоже. Но есть некто, точно знающий, где находилось мертвое тело. То есть этот загадочный тип в курсе, кто убил, когда, как и почему. И ему нужно что-то небольшое, помещающееся в кармане. Только с какой стати он решил, будто несчастный коммерческий директор носил ту вещицу или бумажку при себе? Перерыл все в кабинете, доме, машине, гараже Сереброва? С чего он взял, что убийца не завладел этим? Сомнений нет, некто – это «хмырь», который смотрел квартиру в четверг.

Вынуждена признать, что сие умозаключение стало неожиданностью для меня самой. Просто вырвалось. А полковник едва не отправился на тот свет, подавившись второй булочкой. Я от нее стоически отказалась, и ему пришлось не дать вкусному мягкому добру пропасть. Но, видимо, мне все-таки хотелось сдобы, раз она ему впрок не пошла. Откашлявшись, Измайлов робко спросил:

– Почему «хмырь»?

Этого я придумать не успела, переживая за Вика. Да и невозможно найти здоровое объяснение моему заскоку. Но вида я не подала и заявила:

– Потому что отказался платить залог.

– Да? Хозяин нам сказал, что потенциальный квартиросъемщик балкон не осматривал.

– А зачем ему привлекать внимание к трупу? Глянул в окно – коробка на месте.

– Хорошо. Тогда надо было соглашаться, платить и спокойно искать свое что-то.

– Так жадность одолела.

– Своеобразная жадность, детка. Мальчики тоже не бесплатно сюда наведались. Их услуги стоят не дешево. А залог ведь Иван мог вернуть через месяц.

– Кстати о мальчиках. Вик, если бы мне понадобилось обыскать покойника, я обратилась бы к тебе.

Измайлов благоразумно не откусывал от плюшки, пока я говорила. Молча поднял густые брови.

– В смысле, нет у меня знакомых в криминальной среде.

– С этого бока мы зайдем сами, не напрягайся, Поленька. Ты про «хмыря», про «хмыря».

Я уже прокляла себя за то, что ляпнула эту глупость. Но отступить не хотелось.

– А вдруг он бедный? Прямо-таки нищий? У таких тоже иногда возникает зудящее любопытство: что завалюсь в карманах трупа? На залог он действительно не наскреб. И с отморозками не собирался расплачиваться. Наделал из газет этих... Как называется, когда в пачке сверху и снизу настоящие купюры, а внутри бумага? Куклы? Вот их он в сумке положил бы в камеру хранения...

– Не фантазируй, не трать силы. У него были ключи. После осмотра квартиры, он мог дожждаться ухода Ивана и свободно добраться до коробки.

– А вдруг он мертвецов боится?

– Детка! – строго воскликнул Измайлов, до которого, кажется, потихоньку доходило, что я порю чушь сознательно.

– Ладно, ладно. Но почему ты исключаешь, что ключей у него в четверг утром не было? И до вечера пятницы он их искал. Вернее, дубликаты, которые кто-то сделал. Слушай, наверное, это Петр. Он свернул Сереброву шею, а в карманы не слазил. И послал «хмыря» на разведку. Да, тот отрапортовал, и Петр нанял...

– Опять ты за свое! Слазил Петр в карманы, пусты они.

– А «хмырю» сказал, мол, не слазил. Обманул, понимаешь?

– Нет, – тихо признался Измайлов. – Но очевидно, что сегодня не твой день, детка. Я рассчитывал на свежий взгляд, а ты сидишь с закрытыми глазами и бредишь. Какие-то нищие разведчики мерещатся.

Пора было сдаваться. С первого захода у меня не получилось.

– Вик, предположим, я сморозила глупость. Но можно и серьезно. «Хмырь» принадлежит к богатому окружению Сереброва и знает про убийство. Сдуру или по крайней необходимости убедиться в целостности и сохранности коробки с телом встретился с Иваном в квартире. Но снять ее даже без договора, как Петр, не решился.

– Почему? – взвыл Измайлов, который начал благосклонно улыбаться, услышав от меня слово «глупость».

– Чтобы хозяин его плохо запомнил. Чтобы, когда вы обнаружите труп в лесу...

– Достаточно. Наткнись кто-нибудь на труп Сереброва в лесу, мы и не догадались бы о существовании Ивана.

– Вик, обещаю все детально обдумать.

– Не стоит.

– И поделиться выводами.

– Лучше смерть. Собирайся, поедem домой. Больше тебе здесь делать нечего.

– А давай тут еще пороемся. Я, например, на антресоли не заглядывала.

– Наши заглянули. Везде.

– С Иваном фоторобот «хмыря» составили? Он вам пригодится.

– Если я так и считал, то ты меня блестяще разубедила. «Хмырь» к убийству Сереброва отношения не имеет.

До самого моего, то есть его порога я объясняла полковнику, что нельзя столь быстро и легко отказываться от навеянный чутьем и гением убеждений. Меня это коробило, ведь чутье и гений были моими. Он утомился и запросил пощады, то есть одиночества. Дескать,

с мыслями надо собраться. Мне хотелось того же. Поэтому разошлись мы мирно, договорившись поужинать у меня.

Дома я опустила на кухонный табурет. Сначала пыталась найти хоть какой-то смысл в том, что несла Измайлову, но не преуспела и бездумно устала на раковину. И этот предмет сантехники, вероятно уловивший, что впервые используется, как объект медитации, постарался соответствовать. На его внутренней стенке вдруг появились блики, необыкновенно похожие на пламя. Вот подул ветер, и оно, белое, живое, припало вниз и поползло. А вот в затишье восстало длинными текучими языками. Я заморожено поднялась и пошла к «костру». На дне раковины стояла глиняная плошка, полная воды, и плохо закрученный мною в спешке кран ронял в нее редкие капли. Солнце и вода играли в огонь. Потом небесное светило прикрылось облаком, и игра прекратилась. «Так и с расследованием получится, – подумала я. – Пока не приблизишься к причине, все будет казаться чудом».

Меня потянуло немедленно донести эту мысль до Вика по телефону. Он не мог не впасть в философское настроение после нашего обсуждения роли «хмыря». Сам вывод полковника не вдохновил. Тогда я поведала ему про раковину.

– Поленька, пощади, – начал он.

Но, похоже, обессилел, выронил трубку, да так и не смог поднять до вечера. Какой впечатлительный руководитель убойного отдела! Я же вымыла плошку, приготовила еду, накрыла на стол. И когда в семь часов полковник опасливо заглянул в дверь, уже не понимала, почему он решил справиться, не заболела ли я часом.

После, без ложной скромности скажу, изысканного ужина, мы с Виком долго и нудно ругались. Он настаивал на том, чтобы я потребовала у Ивана возвращения денег и забыла адрес снятой квартиры. Я упрямо пребывала в шкуре Елены Емельяновой и твердила:

– Мне некуда идти, мне некогда искать другое жилье – завтра на работу. Про труп Сереброва мне известно только с чужих слов, даже причин для шока нет. Меня нельзя подозревать ни в убийстве, ни в соучастии, потому что я появилась в квартире в пятницу.

Бессердечный полковник напомнил о фокусах с документами. Кончилось тем, что я позвонила хозяину и озвучила предложение Вика.

– Но я уже потратил семьсот баксов, – кисло сообщил Иван.

И принялся горячо уговаривать меня не брать ничего в голову. Немного поломавшись под тяжелым взглядом Измайлова, я сдалась:

– Залог не трать, придется вернуть. Я за месяц найду квартиру без следов преступления. И чтобы завтра в двери был новый сложный замок. Как ты его врежешь, твои проблемы. Оба комплекта ключей положи в коробку на стеллаже соседей – там есть приметная зеленая обувная свержу. И, если обнаружишь в ней отрезанное ухо или отрубленный палец, сделай одолжение, выброси это сам. С меня хватит. Надеюсь все-таки, что не ты своих жильцов к праотцам отправляешь.

Иван застонал и согласился на все. Измайлов выражал протест получасовым молчанием. Но к себе не уходил. «Нужен тебе свой человек в „Реванше“, милый, – насмешливо думала я. – Чушь про „хмыря“ немногим хуже тех версий, которые есть у вас. Иначе ты не вникал бы в нее столь терпеливо».

– Поленька, я сердит, но остался не из-за информации о фирме, где работал Серебров. Мы сами в состоянии разобраться, – сказал неудобно пронизательный Вик.

Я очень устала препираться и охотно ему поверила. Действительно, при чем тут какое-то сомнительное коммерческое предприятие? Тебя до отвала накормила молодая, красивая, умная, любящая женщина. В уютной обстановке. Наедине. И вообще гораздо приятнее быть доверчивой, чем подозрительной.

Глава третья

1

В понедельник, в девять тридцать утра я вошла в приемную, не ожидая никого в ней застать. Однако, мой новый начальник стоял возле окна и попыхивал сигаретой. Если учесть, что курение в офисе он запретил и сам подавал благородный пример воздержания, встреча с кем-нибудь из сотрудников в этот час не планировалась.

– О, вот она, провинциальная жажда деятельности, – зарокотал он грубоватым баритоном, ничуть не смущаясь никотиновой зависимостью. – Секретарше москвичке пришлось долго объяснять, что следует являться хотя бы на пятнадцать минут раньше официального начала рабочего дня, а не позже.

– Я не секретарша, а ваш личный помощник. В котором часу вы сюда приезжаете?

– Около семи. Не люблю томиться в пробках. И люблю посидеть за компьютером в одиночестве. Так что с вами мы будем начинать сотрудничество в десять ноль ноль.

– Да.

Его голос звучал ни шутливо, ни наставительно. Человек являл собой омут глубокого темного равнодушия и ко мне, и к секретарше. Да и в остальных подчиненных он, похоже, не нуждался. Принято в бизнес-сообществе наполнять офисы людьми, пусть суетятся. Лишь бы не очень досаждали.

В пятницу ярость помешала мне хорошенько его рассмотреть. Теперь удалось – высокий рыхловатый шатен под сорок с бледной кожей и голубыми глазами. Причем и покровные ткани, и органы зрения были какого-то странного оттенка, будто тонкий слой пыли гасил блеск полированной поверхности. Черты его круглого лица были правильными и соразмерными, но не запоминались. Про такие, пожав плечами, говорят: «Лоб, как лоб, нос, как нос, рот, как рот». Ему пошло бы одеваться и обуваться понебрежнее, внешний лоск – удел низкорослых хрупких мужчин. Но он был облачен в классический синий костюм, модные черные ботинки, голубую рубашку и бордовый галстук. Словом, выглядел стандартно. Если только не сигнализировал своим обликом: покопайтесь-ка во мне в поисках сути, повозитесь, помучайтесь. Вероятно, нечто в этом роде им излучалось, раз пришло мне в голову. Нелепые претензии невротика. Я предпочла бы босса с чем-то раздражающей внешностью, но ему дела не было до моих личных стимулов к полноценному труду. Что, впрочем, и меня не задевало.

– Вот ваш кабинет, Елена Олеговна, – сказал он и показал на дверь в противоположном конце приемной. – Осмотритесь и зайдите ко мне. Обсудим ваши обязанности.

«А права»? – хотела спросить я, но промолчала. Только отметила про себя, что, произнеся всего пару фраз, он будто заказал уместный с ним тон. Силен. «Нет, ты сильна, раз поняла это», – мысленно подбодрила я себя, чтобы не раскиснуть в его апатичности, ощущаемой физически, как повышенная влажность. Но не тропическая. Скорее нескончаемый октябрьский дождь в средней полосе. Ежиться впору. Однако и непосредственные телодвижения в его присутствии казались не слишком пристойными излишествами. Я тряхнула отяжелевшей головой, напомнила себе, что не поддаюсь гипнозу, и направилась в указанном направлении. Уже взялась за ручку двери, когда услышала вялое:

– Ну, и как я вам показался?

Обернулась. Он выбросил окурок в форточку и хмурился.

– Наверное, так, как желали показаться. Знаете, я прочитала множество объявлений о найме. Часто встречаются зазывные фразы «уютный офис», «современный просторный офис», а однажды даже «роскошный офис». Причем, чем меньше зарплата, тем больше

похвал месту и еще коллективу, который состоит из единомышленников, всегда молод и дружен. Это смешно. А у вас все нормально, главная привлекательная составляющая здесь – вы, что и дали понять. Хотя помещения отделаны на зависть. Через пять минут я буду у вас.

Он недоуменно сморщил лоб. «Как я тебе показалась, не поинтересуюсь, не надейся, провокатор. И на комплимент ли ты нарвался, решай сам», – подумала я и, кивнув, затворилась в своем временном пристанище. Тут меня настигла жалость к конторским барышням всех видов и мастей. С кем только не приходится проводить по сорок часов жизни в неделю. Но я сразу посоветовала себе не усложнять ни боссов, ни тем более их сотрудниц. Мельком оглядела небольшую комнату, редко уставленную новой мебелью, заглянула в пустые ящики, включила компьютер, причесалась, взяла со стола секретарши несколько чистых листов бумаги, карандаш и, на сей раз, постучалась в кабинет, который в пятницу открыла пинком. На часах было девять пятьдесят.

Инструктаж получился неожиданно кратким. Владимир Петрович Градов, один из владельцев и генеральный директор крупной фирмы «Реванш», кое-что производящей и много чем торгующей, дал мне два часа времени на самостоятельное знакомство с подчиненными ему тружениками. Обязал потом честно поделиться с ним впечатлениями. Напутствовал:

– О вашем существовании, Елена Олеговна, все осведомлены. А тушеваться, насколько я понял, не ваш стиль. Так что устраивайте себя. Потом сразу займетесь моим распорядком. Кстати, документов на английском накопилось очень много. Некоторые понадобятся мне завтра.

– Если не успею перевести здесь, возьму домой.

– Отлично. От москвички такого не услышишь. Действуйте.

– Простите, Владимир Петрович, такой широкий посыл в люди – это плата за вышибание вашей двери?

– Бросьте. Просто сейчас мне крайне невыгодно собирать руководителей отделов, чтобы вас представить. У нас возникла проблема, которую рано обсуждать коллективно, а вопросы будут витать в атмосфере и отвлекать людей от правильного восприятия задач.

– Тогда уточните, что вы подразумеваете под впечатлениями, которыми я должна буду с вами честно поделиться? Не о прическах же речь. Не о чашках кофе на столах.

– Конечно. Речь о настроениях. О трудоспособности. Вам ясно?

– Ясно.

– Идите, работайте.

«Полина, иди, трудись», – вспомнила я напутствие главного редактора, которое и привело меня к Градову. И сегодняшние слова полковника Измайлова: «Детка, не вздумай ничего расследовать, добром прошу. Иди и делай, что положено личному помощнику, не больше. Ты редакционное задание получила, а не мое». «Распосылались все», – шепотом проворчала я, выходя из кабинета. Тут в приемную ворвалась секретарша, которую я невежливо проигнорировала в свой первый визит. При ближайшем рассмотрении она оказалась смазливой тоненькой брюнеткой. И смотрелась впечатляюще – волосы растрепаны, задний шов юбки на боку, блузка застегнута через пуговицу. Не поймешь, от маньяков отбивалась на каждом перекрестке или просто зова будильника не услышала.

– Снова вы! – раздраженно выпалила она.

– Снова и надолго. Опаздывать не надо, – сочувственно надоумила я, – потому что самое интересное в офисах происходит с утра, дальше – рутина. Меня зовут Еленой Олеговной. Я персональный ассистент, как это теперь называется, Владимира Петровича. Намерена пробежаться по отделам, а потом мы с вами побеседуем. Пожалуйста, обеспечьте меня папками, ручками, блокнотами, бумагой для принтера, номерами внутренних телефонов, списком сотрудников с указанием должностей, документами в перевод и образцами ежедневного делового расписания шефа. Как к вам обращаться?

– Эльвира, – сердито ответила она.

– Не расстраивайтесь, Эльвира. Если оперативно и добросовестно справитесь, мое присутствие облегчит именно ваш труд. Согласны?

Она кивнула. Я выбралась в незнакомый, но наверняка не оригинальный мир, созданный владельцами фирмы «Реванш». Заблудиться без сопровождающих не боялась. После открытия коробки на балконе я уже ничего не боялась. Знала, отчаянная храбрость вселилась в меня ненадолго, и так спешила выполнить поручение Градова до пробуждения инстинкта самосохранения в этом гипотетически кишасщем убийцами месте, что уложилась в час с четвертью. Успела даже сфотографироваться на пропуск и благополучно предъявить чужой недействительный паспорт при его выписке. Чтобы Владимир Петрович не заподозрил меня в халтурном сборе впечатлений, я еще тридцать минут приводила мысли в относительный порядок и дула сваренный Эльвирой хороший кофе. Она решила со мной поладить и принесла его сама. Все, что я просила, к тому времени уже громоздилось на столе. Я поблагодарила девушку от души. Она расплылась в довольной улыбке. Так реагируют на доброе слово дети и взрослые, которые получают маленькую зарплату. Я вздохнула и отправилась на первый доклад к Градову.

2

Не знай я об убийстве Сереброва, произошедшая в Градове перемена могла бы меня неприятно потрясти. Он выглядел так, словно с момента нашей встречи прошли сутки, в течение которых на нем возили воду. На голом, надо полагать. Потому что костюм остался с иголки, узел галстука подтверждал наличие совершенства в мире, и ботинки посверкивали себе по-прежнему. Его растерянность подчеркивалась сногшибательно дорогой обстановкой кабинета. Теперь он естественней смотрелся бы на фоне линолеума и кожзаменителя. Я не стала таращить глаза и восклицать: «Что стряслось»? Он, не имея представления о том, как осунулся, посерел и сник, выдавил из себя:

– Есть успехи, Елена Олеговна?

– Обошла все и переговорила со всеми, Владимир Петрович. Обстановка к энтузиазму не располагает. Народ какой-то взвинченный, его беспокоит отсутствие коммерческого директора. Глас пока тих, но краем уха я уловила слова «инсульт», «банкротство» и «заграница». Мое бодрое появление, если не воодушевляло, то несколько успокаивало стереотипом: банкроты увольняют секретарей, а не нанимают личных помощников.

– И кто усердствует в обсуждении? – продемонстрировал отвращение к обтекаемым формам Градов.

– Я еще плохо ориентируюсь в здешних людях, так что конкретизировать не готова. Воспримите правильно, никто мне секретов фирмы не выбалтывал. Но пока стоишь на пороге, и самая бдительная дама рычит: «Чего надо», остальные договаривают начатые фразы. А я на слух не жалуюсь. Разбродом и шатанием это не назовешь. Скорее, необремененный ответственность персонал пугает сам себя. Обремененный же сдержан и озабочен. Но приветлив. Прокомментируйте ситуацию, будьте добры. Не хочется опять бегать по агентствам, не получив зарплату по причине банкротства фирмы.

– «Реванш» стабилен, – мрачно сказал Градов. – Мы идем вперед и вверх, занимаем высоту, окапываемся, восстанавливаем силы и движемся дальше и выше. Поэтому и зарплата вас разочарует, и по агентствам набегаются, только если будете плохо выполнять свои профессиональные обязанности. Я признался, не время созывать совещание, чтобы вас представить. Но в ваше отсутствие все прояснилось. Видите ли, Елена Олеговна, с неделю назад наш коммерческий директор Николай Николаевич Серебров в шесть часов вечера ушел из офиса, сел в свою машину и направился домой. Однако жена не дождалась его ночью, а я и подчиненные утром. Он исчез. Все эти дни мы разыскивали его в больницах и моргах. Подключили полицию. И вот сегодня мне сообщили – обнаружен труп Сереброва. Я только что проводил капитана Юрьева. Это удар. Это потеря. С трудом и не скоро восполнимая утрата. Бизнесмены в России до сих пор в группе риска. Смертники. Но положения компании гибель Коли не меняет. У меня – личное горе. Мы с ним много лет дружили.

– Примите соболезнования.

– Спасибо. Жаль, что для вас все начинается со скорбных дел. Но необходимо выполнять свой долг, и мне понадобится ваша помощь.

– Разумеется.

– Организацией похорон займутся мужчины. Вас я попрошу опекать вдову – Ирину Сереброву. Детей у них с Колей нет, близких родственников нет, и она совсем одна. Это невыносимо. Передавайте мне все ее просьбы, пожелания, капризы. Присматривайте за ней, как за больной. Заставляйте есть, укладывайте спать, гоняйте прислугу, чтобы не воспользовалась ситуацией и не обокрала. Коля говорил, баба наглая, ленивая, но регулярно плачется Ирине на женскую долю и нищету, а та, добрая душа, жалеет ее и балует. В общем, возьмите на себя несчастную женщину. И постарайтесь, чтобы сострадания хватило на столько,

на сколько нужно. Машина с шофером в вашем распоряжении. Сейчас вам принесут оплаченный сотовый, созванивайтесь со мной почаще, номер в трубке записан. После обеда я сам подъеду с материальной помощью. Но о малейшей Ириной нужде в деньгах сообщайте немедленно. Некоторые облегчают боль какими-нибудь покупками, забываются в магазинах. Поощряйте ее траты. У вас хорошо подвешен язык. Заговаривайте ее, не давайте замыкаться в себе. Справитесь?

– Справлюсь, Владимир Петрович.

– Я очень на вас надеюсь, Елена Олеговна. Вовремя вы ко мне ворвались.

– Я сфотографировалась и оставила все данные для оформления пропуска. Но он, наверное, еще не готов.

– Еще не? Сейчас будет! – рявкнул Градов, явно готовый обеспечить меня ненавистью службы безопасности фирмы.

– И мне лучше переодеться в темное. Я заскочу домой.

– Разумно. Тактично. С водителем держитесь как можно жестче. Вы – моя правая рука, установите дистанцию. Постарайтесь удержать Ирину от проявления чувств в машине, если она будет ею пользоваться. Наверняка будет. Вдова... Звучит дико! Однако же вдова... Она горда и не склонна откровенничать при обслуживающем персонале. Но в нынешнем состоянии... Нервы... Горе... Словом, контролируйте ситуацию.

– Постараюсь. Созвонимся.

– И увидимся еще сегодня. Передайте Ирине, что мы ее не оставим, что я к ней доберусь обязательно.

– А перевод?

– Вот от него я вас освободить не могу. Именно ваш английский очень способствовал трудоустройству. Я передал Эльвире только то, что срочно. По минимуму. Мы с Колей здесь, в Москве на международной выставке наткнулись на двух американцев. Оказалось, что их завод сделает необходимое нам оборудование быстрее, лучше и гораздо дешевле, чем алчный отечественный производитель. Поэтому готовьтесь к письменному и устному общению с иностранцами в режиме нон-стоп. В память о Коле я должен этот воз потянуть.

– Владимир Петрович, извините, но любопытно. Неужели настолько дешевле, что поговорка «за морем телушка – полушка, да рубль перевоз» теряет актуальность?

– Представьте себе. О документах договорились?

– Да, я прониклась. Запишите мне ваш e-mail, пришлю, как только, так сразу.

– Мы с вами, похоже, сработаемся, Елена Олеговна.

Я закивала, но не расслабилась. Для честного человека он слишком подолгу и гладко вещал. Я сама такая, и знаю, что эта манера речи обкатывается только регулярным врачем. У меня – вынужденным. А у него? Вообще-то все, пока нужна, говорят разные неприятности. Но чуть только смогут без тебя обойтись, перестают здороваться, даже если ты для них горы сворачивала. Ничего личного, просто закон сохранения биологической энергии. Поэтому умные люди предпочитают не засиживаться в фирме в одной должности. Как только поняли, что все их умения стали всеобщим достоянием, идут в другое место. Недавно спорили об этом с мамой. Она у меня чистая и в свои сорок девять верит, будто в жизни всем без исключения даются некие шансы. Получив такой, нужно самозабвенно пахать, выкладываться полностью, показывать рекордные результаты и думать лишь о деле, а не о впечатлении на людей и жалованье. Я ей: «Самозабвенно нельзя. Наоборот, удачное стечение обстоятельств – это пора неумолчной саморекламы и боев без правил с конкурентами». Она: «Фу, Поля, дочка». Я: «Если ты не догадываешься, что только так и можно защитить свое право на самореализацию, а я подобным образом не поступаю, еще не факт, что мы с тобой нормальные. Нам вот бесконечное само- режет слух, а для других людей звучит музыкой». «Мне не режет, – отмежевалась от меня она. – Если я в порядке, то и другим рядом со мной

хорошо». «А не наоборот»? – спросила я. Она: «Дочка, не впадай в уныние, не тот возраст. Как же ты работаешь? Тебя уже сто раз должны были живьем съесть». Я: «Выкладываюсь постоянно, не оценивая, дан мне шанс преуспеть или нет». «Несчастное мое дитя, – сказала мама. – В принципе ужасное занятие – выворачиваться наизнанку. Делать нужно только то, что дается легко и доставляет удовольствие. Вот у твоего мужа получается наслаждаться бизнесом. Так пользуйся. Вернись к нему, пусть он тебе какую-нибудь газету купит, в смысле редакцию. Или давай поговорим с папой, пусть устроит тебя на телевидение. Не грандиозный, но добротный проект под твой темперамент он потянет». «А папе ты то же, что и мне проповедовала, когда ему шанс выпал»? – спросила я. «Разумеется, дочка, – воскликнула мама. – Правда, я не уточняла, так ли он действовал. Полагаю, раз оказался успешным человеком, значит, так». Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. Несерьезные женщины. И счастливые. Не потому что папа разбогател, а потому что избавил нас от рассказов, каким образом ему это удалось.

Это воспоминание развлекло меня на минуту, пока я шла из кабинета Градова в собственный. А там приуныла. Судьба недвусмысленно дразнилась. Слишком доступными оказались фирма «Реванш» и дом Николая Николаевича Сереброва, чтобы рассчитывать встретить в них его убийцу.

3

«Установить дистанцию» с шофером по имени Леша не удалось бы и слепо-глухонемому монарху, а не то, что жалкому личному помощнику совладельца «Реванша». Из офиса мы поехали ко мне, я переделалась в серенькое во всех смыслах платье, как обещала Градову, и двинулись к Серебровой. Приятный русский парень лихо выдал монолог через секунду после взаимных приветствий. Смысл был в том, что он прекрасно ориентируется на юге и юго-западе Москвы, а центр для него загадочен и непредсказуем. Как на грех, нам предстояло кататься не по окраинам.

– Люди такие смешные, Елена Олеговна, – частил он, не заботясь о моей реакции на свое заявление о слабой ориентации в пространстве мегаполиса. – И тупые до невозможности. К нам приезжал немец – потенциальный то ли инвестор, то ли поставщик. Говорил, в прошлый раз в другой фирме ему такую малограмотную тетку подогнали для перевода, что он чуть контракт не запорол. Поэтому привез своего знатока русского языка, тоже немца. Я три дня возил их по предприятиям, торговым точкам, ресторанам – пожрать они горазды – и квартирам. Прикиньте, для каждого сняли. Наверное, иностранцы думают, что, если у нас гей-парады запрещают, то и ночевать двум мужикам под одной крышей даже в разных комнатах нельзя. Наконец, последний вечер, завтра утром, в пять часов им улетать. Этот герр через переводчика спрашивает, был ли я когда-нибудь в Шереметьево-2. Я ему отвечаю: один раз три года назад возил туда жену, провожал. Встречал ее через неделю на такси, потом еще родственников, тоже на моторе. Да помню я, где указатель на аэропорт. Мужик вдруг как заверещит что-то по-немецки. И второй в истерике вопит: «Его не интересует, кого вы встречали на такси! Он хочет знать, вы сами вели машину в Шереметьево-2 только однажды несколько лет назад»? «Да», – говорю. Они хором по-русски: «Кошмар!» Психи.

– Леша, а как вы их до этого по городу транспортировали?

– Легко! В рамках официально программы, так сказать, держался за «мерсом» шефа. А из разных кабаков по домам развозил сам. Подчеркиваю, разных, им в одном не сиделось. Путешественники чертовы. Ох, и плутали же мы. Один раз два часа колесили: не соображу, где повернуть, и все. Герр ныл, не затыкаясь: «Пусть Алексей найдет Пушкинскую площадь, только Пушкинскую площадь, дальше я покажу ему дорогу». Сусанин! Недели в Москве не прожил, а уже будет мне показывать!

– Э... А как на предмет навигатора?

– Да разве с ним город изучишь? Надо самому начать ориентироваться.

Я представила себе немцев, которые, холодея, воображали путь в аэропорт.

Застать свой самолет на земле они явно не надеялись.

Парень болтал, словно траву косил. Вжик, срезал широким полукругом десяток тем. Вжик, еще десяток отделил от корней смысла и толка. Когда он приступил к сравнительному анализу отношений своих многочисленных подруг к абортам, я не выдержала и заявила, что мне это не интересно.

– Какая вы ограниченная, Елена Олеговна, – опечалился Леша. – Не волнуйтесь, я быстро расширю ваш кругозор. Вы, женщины, все одинаковы. Нет, чтобы пользоваться чужим опытом и радоваться.

– Вы никогда не слышали, что пользующийся чужим опытом человек вместо собственных ошибок совершает, соответственно, чужие?

– Могу поспорить! – радостно уцепился за опрометчиво подкинутый мною повод Леша.

– Не мои слова, цитата, кажется, из Ежи Леца.

– И с ним могу.

Я еле сдержала стон. Захотелось уточнить, согласился ли герр то ли инвестор, то ли поставщик сотрудничать с фирмой «Реванш», покатавшись с Лешей. Даже, если он совсем обезумел в погоне за барышом, следующий визит нанесет в сопровождении не только переводчика, но и шофера.

В подъезде дома, где обитала Ирина Сереброва, я позвонила Градову:

– Владимир Петрович, вы уверены, что новоиспеченной вдове показана лешетерапия?

– И вас утомил, – хмыкнул босс с каким-то садомазохистским удовлетворением. – Он знатный говорун, но лучше свой дурак, чем чужой умник. Естественно, на определенных должностях. Мальчик – племянник одного из наших бухгалтеров, Елена Олеговна. Терпите, другого водителя на сегодня и завтра в транспортном отделе не нашлось. Надеюсь, хоть к «Вольво» претензий нет?

– К «Вольво» нет, – пощадила его надежду я.

Что ж, он предупрежден, вероятные нервные срывы Ирины Серебровой в машине – на его совести. Лично мне трепливый шофер был выгоден. Самостоятельно знакомясь с сотрудниками «Реванша», которые за редким исключением ассоциировались с надутыми индюками и гонористыми козами, я поняла, что располагать их к себе придется долго и упорно. Ко времени появления результатов тема исчезновения и гибели коммерческого директора теряет актуальность. А пустых хлопот я не люблю. Так пусть Леша помашет косой языка на выбранной мною поляне. Я наивно рассчитывала, что смогу повернуть его от вопроса искусственного снижения рождаемости к сплетням о Сереброве.

Дверь открыла изящная, классически невзрачная по причине отсутствия косметики блондинка, облаченная в черные шорты и черную же футболку. Она была оживлена, блестя глазами цвета нефрита и покусывала бледные губы, словно наказывала за то, что они норовили растянуться в блаженную улыбку.

– Лена? Наконец-то! Скажите, я сошла с ума? Посмотрите на меня: я – чудовище. Я рада, я счастлива – мой Коля мертв. Его больше нет! Совсем! И не надо гадать, что с ним случилось, воображать всяческие ужасы. Ему не больно, не холодно, не жарко, его не пытаются, не уродуют, не запугивают, он не бьется в бреду, не терзается голодом и жаждой. Его просто-напросто убили. Неделю тому назад. Представляете? Боже, за что? Зачем? Объясните мне! Помогите! Прекратите это как-нибудь! Я хочу плакать, плакать, плакать. Но смеюсь. Хохочу. Я больше не могу-у-у...

Реанимационные мероприятия описывать не стану. Самыми действенными оказались контрастный душ, расчесывание волос и глоток коньяку. Примерно через час Ирина оглядела свои шорты с футболкой, удивленно наморщила лоб и виновато пробормотала:

– А ведь я одела это, как траур. Не в себе была. Надо достать нормальное платье.

«В себе будет гораздо хуже», – подумала я. И спросила:

– Как вас по батюшке?

– Зовите Ириной, отчество сжирает время общения. Вы поедете со мной на опознание? Я только в кино такое видела. Одной страшно.

– Я буду сопровождать вас, куда ни занесет. Мужайтесь.

– Пытаюсь, – всхлинула она. – Спасибо, Лена, я наконец-то реву.

Я села с ней рядом на диван в богато, но бестолково обставленной гостиной и тоже разревелась. Щеки пощипывало от ядрено соленых слез. Меня терзала жалость к Ирине, и донимало чувство невыразимой благодарности Градову – не бросил вдову одну, меня вот прислал, машину дал, денег подкинет. Что бы она сама делала? Действительно свихнулась бы.

Выплакав все до капли, мы собрались в морг. И обнаружилось, что Ирина производила впечатление существа до крайности неприспособленного и слегка несуразного лишь в созданном ею интерьере. Метраж «зала» позволил многое. Шкафы были выдвинуты чуть ли не на середину, за ними прятались разностильные кресла и торшеры, с прикреплен-

ных к потолку карнизов свисали метры легких цветных материй, узкие проходы сквозь этот рукотворный хаос неожиданно перекрывали громадные горшки с тропическими растениями. Однако на улицу, слегка опираясь на мою руку, вышла достойная реалистка, исполненная горечи, не ждущая ни понимания, ни жалости. Мне даже померещилось, что Сереброва прибавила в росте, весе и яркости, пока спускалась по лестнице. Градов назвал ее гордой женщиной. А я все искала какое-то иное, более точное определение. Не нашла.

Поздоровавшись, Леша, имевший собственное представление об утешении вдов, тихо спросил:

– Включить музыку?

– Обязательно. Похоронный марш, – распорядилась Ирина.

– Извините, – промямлил водитель и затих

Дорогой молчали. Я стоически заволочла себя в покойницкую вслед за Серебровой. Вряд ли она оценила этот подвиг. Мне довелось еще раз увидеть мужское лицо, которое едва не лишило меня сознания на балконе Ивановой квартиры. Ирина скользнула по трупу мужа непонимающим пустым взглядом, утвердительно дернула головой и вышла в коридор. Там что-то подписала, и мы отправились назад. Несчастный Леша бубнил себе под нос какую-то невнятицу. Он просто не мог существовать беззвучно. Ирина зажмурилась, да так и просидела до самого дома, будто сконцентрировалась только на удержании верхних и нижних век в болезненном напряжении. «Глаза бы ее ни на кого не глядели, – вертелось у меня в голове, разметая другие мысли, – глаза бы ее»...

– Приехали, – объявил Леша таким хриплым голосом, словно год его не подавал и от этого заболел жестоким ларингитом. – Вон шеф во двор выворачивает.

Последняя фраза звучала угрожающе, дескать, сейчас он вам покажет, как издеваться над моим горлом.

– Поднимемся в квартиру или здесьждемся? – спросила я.

– Поднимемся. Душераздирающие сцены лучше играть в четырех стенах, – постановила Сереброва. – Встревожились, Лена? В вас лукавства нет, по вам все сразу видно. Расслабьтесь, я не сомневаюсь в искренности Володи. Но у меня четкое ощущение, что мы – актеры в любительском спектакле. И только Коля не театрално, а по-настоящему, по-честному мертв. Или он жив, а мы нет.

«Лучше бы она голосила, – подумала я. – Выносимей было бы». У меня ненавязчиво засосало под ложечкой: про отсутствие лукавства понравилось, а про лицо – открытую книгу – не очень. Хочется выглядеть загадочной. Ну, хотя бы сложной. Простота, говорят, хуже воровства. Мама уверяет, что с годами это пройдет.

Вновь очутившись в своей странноватой обстановке, Ирина Сереброва немедленно поблекла. Какая-то неправильная хамелеониха. По идее в городских просторах должна обрести защитный окрас и исчезать, а на фоне своих ярких драпировок проявляться.

В дверь позвонили. И через пару минут я принялась озираться в поисках зеркала, намереваясь выяснить, что здесь происходит с моей внешностью. Мало того, что Ирина менялась до неузнаваемости. Так еще и Владимир Петрович Градов, едва переступив порог, из чуткого друга семьи с соответствующим ликом, которого я сподобилась увидеть в офисе, превратился в хмурого начальника, проклинающего себя за порыв лично оказать материальную и моральную помощь вдове подчиненного. Он выдал из себя казенные любезности и пригласил Ирину в соседнюю комнату. Вероятно для тактичной передачи денег. Там было тесно от антикварных этажерок и столиков, уставленных всякой всячиной, в основном фарфоровой. Подслушивать я не решилась. Еще неизвестно, не повешено ли в доме видеокамер. У меня был знакомый, тоже нестандартно оформивший гостиную, который любил покинуть гостей минут на десять и понаблюдать за ними – мониторы располагались в спальне. Ненароком узнав об этом, я перестала с ним общаться. И с тех пор не доверяю своеобраз-

ному, вызывающему дизайну. От чего-то он призван отвлекать. В самом безобидном случае от хозяев.

Меня не хватило даже на то, чтобы убедить себя в зловещем характере квартиры Серебровых и прикинуть, не совершено ли убийство в ней. Я чувствовала усталость и подавленность, но желания сбежать не возникло. Уснуть бы тут, на огромном бордовом диване с четкой формы углами, кажущемся жестким, а на самом деле мягком и упругом. А пробудиться возле Вика в его или моей постели. И счесть этот тягучий и какой-то плоский день сном. Но приходилось бодрствовать. Наверное, с точки зрения мамы, мне следовало набирать очки в показе себя Градову – взять документы на английском и переводить, не поднимая головы. Смотрите, мол, Владимир Петрович, времени я даром не теряю ни при каких обстоятельствах, и чужое горе мне в радость, потому что своего нет. Барышня Емельянова просто обязана была хотя бы делать вид, будто читает деловые бумаги. Но я о ней забыла. Всегда теряла маски при соприкосновении с настоящими чувствами, такими, как страдание Ирины Серебровой. Поэтому, когда Градов окликнул меня из холла, я не сразу сообразила, при чем тут какая-то Елена Олеговна. Сообразив же, с готовностью поднялась и пошла на зов. Ирина благодетеля не провожала. Владимир Петрович велел мне опекать ее до упора. Во что надлежит упереться, он не сказал. Но вскоре после его ухода это выяснилось.

– Лена, извините, я хочу побыть одна, – сказала Ирина.

Я не позволила себе мгновенно повеселеть. Договорились встретиться завтра утром, предварительно созвонившись. В машине я смущенно поняла, что не только Леша мне обрадовался, но и я ему. Мы были друг для друга символами освобождения: я избавила его от вынужденной немоты, он меня – от тяготы соболезнавать и быть не в силах облегчить боль. Я в любых обстоятельствах адаптируюсь быстро, но не сразу.

Я устроилась на заднем сиденье и, не предполагая сопротивления истосковавшегося в одиночестве болтуна, одарила его совершенно невинным вопросом об убиенном коммерческом директоре фирмы «Реванш». И получила полезный урок:

– Я, Елена Олеговна, за баранкой говорю только о себе. Про пассажиров ни с кем. Про начальство ни с кем и никогда.

– А немцы пассажирами не являлись? – вырвалось у меня от растерянности.

– Иностранцы созданы природой русским на потеху. И опять же, я упомянул их только в связи с собой.

– Похвально, Леша.

Он чуть приосанился и самодовольно взглянул на меня через плечо. Я повеселела. Жизнь, складывающаяся по принципу «чем хуже, тем лучше», имеет свои особенности. И, если легкодоступность кабинета Градова и квартиры Серебровых означала для меня провал дилетантского расследования, то возникшие с шофером трудности повышали вероятность того, что мне удастся помочь Измайлову раскрыть убийство. Вряд ли сотрудники фирмы, где даже болтливые юные водители так выдрессированы, захотят откровенничать с полицейскими. На разведчицу надежд было все-таки больше. Ощувив важность своего существования для полковника, я снова вошла в шкуру Елены Емельяновой. С работой на Градова все было более или менее ясно: продержаться месяц в добросовестности и рвении и посмотреть заплатят ли, и сколько. Но до большой суммы в конверте и маленькой по бухгалтерской ведомости оставался минимум месяц, а самостоятельная новоявленная москвичка нуждалась в деньгах. Как и все прочие москвички, впрочем. Чем можно заняться для приработка, если целый день торчишь в офисе, и в проститутки перед сном не тянет?

– Вот вы, Елена Олеговна, и дома, – констатировал Леша.

Я очнулась. И, не приходя в сознание Полины Данилиной, сказала:

– Нет, не дома. Тут живет подруга. У нее пока мои вещи, поэтому и ездим сюда. Я сняла квартиру. Как только наведу в ней порядок, сразу переберусь.

– Ну вот, а я, как дурак, дорогу запоминал.

– Кому повредила тренировка зрительной памяти? Надо полагать, через несколько дней госпожа Сереброва научится обходиться без моих услуг, и я пересяду в метро. Так что вам, Леша, не придется изучать новый маршрут.

– Не знаю, не знаю, – засомневался водитель. – У нас сразу проездной выдают. А раз не выдали, значит, имеете право на дежурную машину.

– Дежурную?

– Ну да. Есть персональные – у руководства. И две дежурные, которые возят по два-три человека в офис, из офиса. И днем, кого куда пошлют.

– Ладно, разберемся.

Мы уточнили время утренней встречи – неведомо когда, после звонка Ирины – и расстались.

До прихода полковника Измайлова я успела позвонить Градову и отрапортовать о состоянии тела и духа вдовы, перевести жуткое описание какого-то пресса, поминутно благословляя словари в Интернете, потому что печатного технического у меня не было, и отослать перевод по электронной почте. Потом вспомнила все известные анекдоты про толмачей и их профессиональные шутки и приколы. Они показались не смешными, а грустными. Мне явно не доставало станкостроительного образования. А ведь Градов загрузил меня по минимуму – его слова. Про максимум и думать не хотелось, но, как водится, только о нем и думалось.

4

Спас меня, разумеется, Виктор Николаевич Измайлов. За то и люблю, не дает пропасть. Он вернулся из управления таким расстроенным и злым, что собственное настроение я сочла превосходным. И даже сумела улыбнуться.

– Порадуешь чем-нибудь? – еще больше насупился Вик.

Неужели он приписывает растягивание углов моих губ в стороны и вверх дурным наклонностям? Я же не упиваюсь на самом деле тем, что ему хуже, чем мне?

– Разве что доступностью фигурантов, милый. Обычно я кичилась отличным от твоего подходом к любому убийству. И говорила, будто вы три четверти времени расследования бездействуете. За это, похоже, и наказана. Веришь ли, впервые ума не приложу, чем заняться в центре событий. Перечисли, что тебе надо выяснить. Обещаю попытаться.

– Всего-то? – поразился матерый убойщик.

– Извини. Правда, не знаю, с чего начать. Интуиция, сволочь, молчит.

И я описала ему свой день без прикрас. Под тягостное мое повествование Измайлов запомнил о том, что убийство Сереброва – запретная тема. И в ответном слове немного осветил ход расследования. Из сочувствия ко мне он бы, наверное, прибавил огня, да его не было. У меня создалось впечатление, что гениальный сыскарь зажег последнюю спичку, чтобы еще раз оглядеть тупик. Заодно и я убедилась – впереди выхода к истине нет.

Николай Николаевич Серебров родился в Москве в 1973 году. Окончил «Плешку», пять лет владел и руководил агентством по продаже недвижимости. Как ни тужился, оно осталось мелким. Потому что не те методы избирал: выкупал квартиры у стариков, когда другие попросту отнимали, приобретал однокомнатные в первых «элитных комплексах», которым не суждено было быть возведенными, и при расселении коммуналок не подпаивал жильцов, чтобы те подмахнули согласие переехать в малометражки на границе с областью, а то и в ней. Какой уж тут барыш. Тем не менее, его скромное детище попало на завидующие глаза конкурентам, а потом перешло в их загребущие руки.

Я привычно возмутилась.

– Не переживай, детка. Итогом деятельности стала отличная квартира в центре для самого Сереброва, – усмехнулся полковник. – А также дача и два гаража. Сейчас все это стоит больше миллиона долларов.

– Рассуждаешь, как обыватель, Вик. Не знай я, что ты на самом деле не такой, разочаровалась бы.

– А ты, Поленька, пугаешь меня готовностью номер один удариться в слезы из-за хода естественного отбора в бизнесе, – парировал Измайлов.

Я сама себя такую боялась. Поэтому скоренько отползла в окоп бытовухи:

– Родственников Серебров обеспечил? Может, они его убили, чтобы завладеть гаражом или дачей?

– Он – единственный ребенок в семье двух детдомовцев. Мать умерла, когда сын заканчивал институт. Отец с горя запил. Серебров с ним разругался и на какое-то время переехал к любовнице. Чем, кажется, невольно способствовал укреплению романа с бутылкой. Осознал свою ошибку, вернулся под отчий кров, откуда его вышвырнул незнакомый бугай. Правда, перед тем, как наподдать на лестничной площадке, снабдил адресом конуры у черта на куличках. Там его встретил неменяемый папа, который той же ночью сбежал за водкой и попал под грузовик. Серебров пытался подавать в суд. Но на него напали хулиганы. И отбили желание искать справедливость. Банальная история.

Я не согласилась. Заняться после такого потрясения куплей-продажей недвижимости – решение нестандартное.

- Для мужчины логичное, – уперся Вик.
- Значит, нервы у Николая Николаевича были крепкие.

Измайлов погрозил мне пальцем, дескать, не торопись. Этот игривый жест меня не обманул. Продолжение рассказа не сулило дельных версий.

Лишившись агентства, Серебров с полгода искал работу, навещая знакомых. Однажды забрел к сокурснику Володе Градову. Тот ошалело выбирал, в какой из нескольких одинаковой стоимости и изношенности оборудования, но производивших совершенно разную продукцию заводиков, вложить нажитые торговлишкой деньги. Или плюнуть на станки и превратить торговлишку в торговлю? Серебров порассуждал вслух и ушел. Градов, не мудрствуя – сил уже не было, заключил сделку. Вскоре позвонил и мрачно сказал:

– Я из-за тебя заварил какую-то непонятную кашу. Теперь иди и расхлебывай за пятьсот баксов в месяц. Иначе будешь должен. Шучу. Но имей совесть, ты же меня подбил на заключение этого договора.

Сереброву удалось на деле то, что он расписывал сокурснику на словах. Через пару лет Николай Николаевич уже был коммерческим директором разросшейся фирмы. В нее входило предприятие, ставшее некогда акционерным обществом забавным образом: вместо невыплаченного за год жалованья работяг осчастливили бумажками, признающими их собственниками какой-то доли «производственных мощностей». Градов получил свои в наследство от дядюшки, бывшего главного инженера, потом кое-что скупил у сильно пьющих акционеров и завладел семьдесятю процентами. Лавочка была разворована настолько, что никому кроме Владимира Петровича не взбрело в голову пополнять свой пакет. Он протасил в устав пункт о том, что в течение двух лет владельцы акций не могут их продавать. И не заботился о прибыльности завода – держал на плаву, и ладно. Теперь у него возник план реорганизации. Закаленный перепадом температур в коммерции Серебров был подходящим совладельцем. Градов предложил ему приобрести оставшиеся у народа акции по-умному, то есть дешево. И тот начал. Но его убили.

– И все это Градов поведал Юрьеву меньше, чем за час? – ревниво поинтересовалась я, воображая, как завистливый Борис сдергивает с моей головы лавровый венок умелицы быстро разговорить скрытного молчуна, и напяливает на свою.

У Измайлова была возможность уничтожить мою самоуверенность раз и навсегда положительным ответом. Но он благородно не воспользовался случаем:

– Нет, Поленька. Эти сведения почерпнуты частично из досье, которое один богатый господин собирает на Градова и членов его команды, потому что размышляет, не пригласить ли их в свой холдинг. Он обязан нам жизнью, когда ему выгодно, отработывает.

– Прости, а в чем выгода? – удивилась я.

– Убийство коммерческого директора, видишь ли, не является показателем мира и лады в руководстве фирмы. Так что в результатах расследования воротила заинтересован. Это ты полагаешь, что наш труд никому не нужен.

– Что ж, обслуживайте толстосумов и дальше, государственный флаг вам в руки. А насчет второй части?

– Я мог бы обидеться, – гордо предупредил Измайлов.

– Но на дур не обижаются, – поспешила направить его в безопасную сторону я.

– Много на кого грех обижаться, – потупился он, но на миг расцвел. – Частично сведения получены от коллег из отдела по борьбе с экономическими преступлениями. В бизнесе многое и многие взаимосвязаны. И задетые за живое интересом наших «экономистов» дельцы в следственных кабинетах, как любой обывательской гостиной, предпочитают распространяться о других, а не о себе.

– Вик, а ведь такому Сереброву, я подразумеваю не мелкашке, нечего было делать в квартире Ивана.

– Согласен. А какому было что?

– Не знаю... Извращенцу. Махинатору. Предателю. Распутнику. Но странному – без гордыни, спеси, пошлого эгоизма... Имей он эти качества, близко бы к сдаваемой дыре не подошел. Вик, его убили в другом, более комфортабельном помещении. А потом перевезли труп.

– Детка, извращенец, махинатор, предатель и распутник без перечисленных тобой свойств природы невозможны, – рассмеялся Измайлов. – Смирись, будь добра. Сереброва убили там, где ты обнаружила тело. Там, где ты замечательно убралась. Но на брюках и пиджаке жертвы найдены волокна ткани с ветхой обивки дивана. А на балконе завалился окурок, пропитанный его слюной.

– И волокна, и окурок – театральные реквизиты, чтобы вас запутать. Первые легко прицепить к одежде, второй подбросить. Может, некто позарился на тридцать процентов акций Сереброва? Ведь не случайно протрезвевший токарь? Наверняка Градов задумал что-то стоящее. Даже, если задумка сомнительная, не каждого обрадует превращение нанятого управленца в совладельца. У «Реванша» есть еще хозяева? Мне Владимир Петрович сказал, что он один из...

– А другой – Владислав Васильевич Берестов, – перебил Измайлов, явно раздосадованный моим упрямым заблуждением относительно места совершения преступления. – Еще недавно руководил наравне с Градовым, их доли в бизнесе примерно одинаковы. Но его свалил очень тяжелый инфаркт. Сейчас он отошел от дел. Усиленно лечится.

– Ага, «он улетел, но обещал вернуться»?

– Иногда ты меня поражаешь своей черствостью, – буркнул полковник. – Цитата из мультфильма по поводу мужского инфаркта – это не по-женски.

– погоди, Вик. Почему же Градов предложил акции Сереброву? Не собирался делиться с компаньоном, так скупил бы сам. Не возбранялось и тайно – пока еще Берестов вернется к активной деятельности. И вернется ли? Похоже, он платил Сереброву долей в предприятии. За что так щедро?

– Кто знает, детка. Сейчас эти акции действительно ничего не стоят. Но, когда замысел Градова осуществится, подскочат в цене.

– Градов грозился потянуть какой-то воз в память о друге Коле. На возу, по меньшей мере, один сложный американский пресс для изготовления, неведомо чего. Элементарщина, Вик! Наверняка втихаря от Берестова решил создать мощное новое производство, чтобы стать основным владельцем. Собирается вбухать в него общие деньги, пока Владислав Васильевич бережет сердце. И хорошо, если потом их отдаст. Но все-таки, почему он уступал Сереброву акции? Вдруг Градов опомнился, и в приступе жадности собственноручно свернул приятелю шею? Ну, представил, как делится прибылью, и озверел. Пойми, милый, владей Владимир Петрович всеми акциями завода и дорого продай треть своему коммерческому директору, все было бы нормально. А так... Кстати, Градов на скромного Петра не похож? К нему Серебров в любую квартиру поехал бы.

– Не похож.

– А на «хмыря»? Иван вам его наверняка подробно описал.

– Нет. Не отвлекайся.

– Угу. Так вот, если убийца – Градов, то кто и что ищет в карманах убитого? При чем осведомленность обо всех деталях преступления фантастическая.

– Мы пытаемся установить всех съемщиков с момента смерти тетки хозяина, – тоскливо вздохнул полковник.

– А дубликаты ключей мог заказать любой знакомый, любая знакомая Ивана или жильцов без их ведома, – безжалостно предупредила я. – Только зачем, Вик? Как долго злодей вынашивал мечту убить Сереброва именно в этой квартире?

Полковник, казалось, меня не слышал и продолжал разговаривать сам с собой:

– Экспертиза показала, что это не дубликаты, а родные замкам ключи. Ими никто не пользовался. Им лет двадцать. Третий комплект.

– Который валялся где-то в квартире и был случайно найден жильцом. Или ждал своего часа у Ивана. Жаль потерянного вами времени. Но оттого, что ключи оказались родными, ничего не изменилось.

Переливать из пустого в порожнее не имело смысла. И это до обоих одновременно дошло. И мы с Виком крепко уснули. Но перед тем, как выключиться, я все-таки пробормотала:

– В квартире Ивана с Серебровым были двое. Один ухитрился убить при свидетеле, а свидетель не решился проверить карманы.

– Но бумажник и документы кто-то вытащил, – автоматически возразил полковник.

– Наверняка убийца. Второй к трупу не прикасался. Но потом засомневался: вдруг первый обыскивал невнимательно, и то, что ему нужно, осталось в костюме Сереброва.

– Почему же они коробку вдвоем ночью не вынесли? – зевнул Измайлов.

Вот тогда я и предпочла сон яви. И ничего вещего не удостоилась. Полковник выспался с тем же результатом.

Глава четвертая

1

Утром я поняла, в какую ловушку угодила. После пробежки, контрастного душа и кислого яблока возникло ощущение игривого прилива всяческих сил. Мне хотелось навестить знакомых бизнесменов и с глазу на глаз расспросить о фирме «Реванш». Надо было забрать ключи от врезанного Иваном замка из обувной коробки на стеллаже в «тамбуре». Пора было искать приработок. Но когда? В восемь позвонила Ирина Сереброва и дрожащим голосом попросила как можно скорее приехать. Я вызвала Лешу, который неохотно пообещал быть у моего подъезда часа через полтора. И до вдовы предстояло добираться часа два – самые пробки.

– Тогда отправляйтесь сразу к дому Серебровых, – решила я.

– Договорились, Елена Олеговна. День обещает быть прекрасным. Вы в настроении? – включился в привычный треп Леша.

– Если вам в ближайшее время со мной не общаться, то не имеет значения, с какой ноги я встала. До свидания.

Отшив парня, я связалась с Градовым и сообщила, что воспользуюсь метро. Он одобрил и велел держать его в курсе. Мобильный снова выдал мелодию. Ирина нетерпеливо спрашивала, как скоро я буду.

– Выхожу. Купить что-нибудь по пути?

– Яду.

Я понеслась к ней. И убедилась в правоте приятеля наркомана. Когда он завязывал в трясуне и корчах, хрипел:

– Поля, это обычные симптомы нервного заболевания. Миллионы людей в горе, душевной муке, страхе испытывают то же самое. Да ведь? Скажи да.

Я подтверждала. Это было правдой. Но его беда подло заключалась в знании, как немедленно унять страдания, пусть на очень короткий срок. И где взять подобное, лечашее подобное. Когда изведшийся человек был готов на все за секунду покоя, он срывался. Понимал, что будет только хуже, и твердил:

– Ну и ладно, ладно, ладно. Я чуть-чуть отдохну, потом выдержу, если не сдохну.

И однажды выдержал... Предварительно отведав клинической смерти...

Состояние Ирины очень напоминало ломку. Ее колотило, ноги заплетались, лицо было одутловатым и бледным, в глазах металось пламя внутреннего ада, выжигая их зеленый цвет. Увидев меня, она сипло закричала:

– Мне плохо! Я умираю!

– Доза нужна?

– Доза чего? Я умираю!

«Обычные симптомы нервного заболевания» облегчились питьем теплой воды, в которой я разболтала две столовых ложки варенья, укутыванием в шерстяной плед и броском ничком на кровать. Она не позволила мне натянуть сбитые простыни и перевернуть мокрые подушки.

– Только не шевелитесь, – посоветовала я, вспоминая опыт своих богемных друзей. – Сначала будет потребность волчком крутиться. Сосредоточьтесь на преодолении, не двигайтесь и потихоньку успокойтесь. Может, врача вызвать?

– К черту!

Через полчаса стало очевидным, что при одинаково мучительных проявлениях абстинентного синдрома и запредельной тоски, отсутствие в крови вредоносных радикалов – благо. Ирина притихла и заснула. Расслабившись, она перевернулась на спину. Впалые щеки чуть порозовели, из-под век на них выкатились две слезинки, даря надежду на то, что было чем заливать так напугавший меня пожар. Я на цыпочках пошла в кухню готовить завтрак. Еду собиралась впихивать в нее насильно. Мозг не только эмоции генерирует, но еще и регулирует все физиологические и биохимические процессы. Пока он «решает», сколько желудочного сока, с преобладанием каких ферментов стоит выделить, ему не до высоких размышлений. Чем они выше, тем ниже ты со своей бедой, а в отчаянии самоуничтожение, мягко говоря, не показано. Словом, человеческий организм надобно отвлекать трудом переваривания пищи, чтобы не вся энергия тратилась на болезненное чувство. Тогда оно ослабевает. Вообще фраза «человек ест для того, чтобы жить, а не живет для того, чтобы есть» – эффективна, но грешит против истины, разрывая некий круговорот. Пусть лучше обжирается, пока Бог им не займется, чем притащится недоразвитым самозванцем на тот свет, сиганув с крыши или распоров себе вены после попыток докопаться до смысла всего с помощью тупой лопаты неумелого голодания. Оно, если не поддерживает фигуру, за которую платят дополнительный миллион в светской профессии, или не является безопасным именно для вашей психики элементом духовной практики, всего лишь источник депрессии.

Холодильник был пуст. Мышь в нем не удавилась бы, потому что на нижней полке красовался стограммовый кусочек сыра в черных разводах плесени. Мышь отравилась бы. Я читала про содержание грызунов – им ни в коем случае нельзя давать несвежих продуктов. В морозильнике я обнаружила лишь пару скомканных затвердевших целлофановых пакетов. Как долго Ирина голодала?

Я выругала себя за то, что ушла вчера, не позаботившись о ее пропитании. И командовала себе: «Дуй в магазин рысью. Йогурт какой-нибудь, сок... Господи, в чем там содержатся „углеводы радости“? А, в макаронах. Сможет проглотить? Ей горячее не повредило бы. Тогда нужны еще масло и зелень. Быстрее, Полина, проснется же, впадет сначала в истерику, потом в протрацию, не выведешь без доктора. Она на грани, бедная».

Но я есть я. И приятного в этом иногда мало. Точно всадила свой тонкий каблук в щель между железной рамой подъездной двери и непонятно зачем оставленным перед ней деревянным порогом, где он застрял намертво. Время поджимало, я нервничала и, чтобы не расплющить остатки сознания об обстоятельства, выскочила на асфальт босиком, держа в руках вторую туфлю. И замешкалась на секунду. За спиной тяжелая плита с отвратительным звуком смяла беззащитную пленницу цвета кофе с молоком, так и не дождавшемуся от меня спасения. «Растяпа, – обругала я себя. – Там же коврик лежит, надо было им дверь зафиксировать. Так воодушевилась перспективой пробежаться без обуви, что соображать перестала»? Я попрощалась наверняка мутным взглядом со своей «лодочкой», вернее с ее невидимой проекцией на бездушной железке, посмотрела на ту, что сжимала в кулаке, выбросила ее в урну и порысила за продуктами.

На улице и в универсаме мой вид никого не тронул. За равнодушие к способам чужого самовыражения я люблю москвичей. Зато Леша, подогнавший машину к подъезду и выбравшийся из нее покурить, увидел меня и выпустил изо рта сигарету. Я поздоровалась. Он не смог. Начал пытливым озираньем по сторонам. Наверное, постеснялся общаться со мной на глазах у прохожих. Одно дело босая баба чешет мимо, другое – останавливается рядом и тепло приветствует именно тебя. В отместку я решила ничего ему не объяснять ни сейчас, ни вечером. Подумаешь, десяток шагов по асфальту без туфель при нем сделала. Вот, если Ирину днем в общественное место понесет, будет хуже. Тут уж или какой-нибудь сектанткой себя объявляй, или траться на новую пару. А нужна мне клеенка, как мама называет любую некожаную обувь, перчатки и сумку? Выбирать же и покупать нечто нормальное Елена Еме-

льянова при Ирине Серебровой не должна. Я мельком глянула в урну – «лодочка» исчезла. Открыла дверь подъезда – вторую тоже кому-то удалось вызволить. Наверняка сейчас старательно ее расправляет, сидя на кухонном табурете. Я вдруг ощутила, что лично у меня все замечательно и привычно: голые пятки саднят после неожиданного контакта с твердью, а туфли пропали. Попробуйся я рассказать Леше эту историю, он без вещдоков не поверит. Я сама уже сомневалась, не выскочила ли второпях из квартиры босиком. Естественные для меня ситуация и состояние. Можно было жить дальше.

Вернувшись в дом, я вымыла ноги и надела какие-то тапочки. Ирина все еще спала. Пробудившись через час, есть отказалась. Я пригрозила, что пожалуюсь Градову. Она не испугалась.

– Если Владимир Петрович вам не указ, вызову скорую. Медикам достаточно вас увидеть, чтобы вкатить десяток уколов и организовать принудительное кормление через зонд. Это даже не капельница, Ирина, это нечто!

Подействовало. Зверский аппетит подкрался к ней и набросился, как водится, во время еды. Я не ошиблась, молодой организм сам защищался от отчаяния. После завтрака в постели лоб ослабевшей вдовы обильно покрыла испарина. Сереброва безвольно рухнула на подушки. Я решила, что она в обмороке. Но, оказалось, снова заснула. Судя по всему, ей не удавалось поесть днем и поспать ночью. Я дисциплинированно позвонила Владимиру Петровичу.

– Ирине необходим отдых, хорошо, что удалось ее накормить, – похвалил он. – А вам, Елена Олеговна, я передал с Лешей следующую пачку документов на английском. Работайте с текстами, пока подопечная спит, меньше останется на дом.

Он был настоящим дельцом, не терпящим простое. И заботило его не мое свободное время для восстановления сил, а качество перевода. Свежая утренняя голова его почти гарантирует.

Я спустилась к машине, взяла у шофера папку с бумагами, подумав, что он обязан был сказать мне о ней, невзирая на мой внешний вид. Немного развлеклась догадками, зла ли я на Лешу из-за него самого или из-за бесперебойного поступления скучнейших технических описаний от Градова. И занялась этими самыми описаниями, устроившись за журнальным столиком у окна в гостиной. Успела бегло прочитать страниц шесть, когда в дверь позвонили. Одновременно бравурно взвыл телефон – Градов предупреждал, что с минуты на минуту Ирину посетит его супруга. Я отдавала себе отчет в том, что на самом деле количество непереверенных знаков с пробелами, оставшееся мне на после полуночное время, его не волнует. Но мог бы объяснить жене, что Сереброва впервые за много дней заснула, и посоветовать повременить с визитом. Разумеется, вместо поучений, я посмотрела в глазок на нетерпеливо притопывающую ногой женщину и мирно сказала:

– Не посетит, а уже посещает, Владимир Петрович. Как ее зовут?

– Ада Леонидовна.

– Звучит! Открываю.

– Сразу передайте ей трубку.

Я и передала, когда гостья переступила порог. Нет, сначала мы поздоровались, «как порядочные»:

– Здравствуйте, Ада Леонидовна.

– Добрый день, Елена Олеговна.

Она прижала к уху средство связи. Было слышно монотонное гудение голоса ее мужа. Жена ответила своеобразным горловым воркованием, которое, несмотря на ласковые ноты, я перевела на человеческий язык словом «отвяжись». Общение четы Градовых вызывало параноидальные догадки о заговорах, слежке, подслушивании и опасности для жизни, потому

что уловить смысл издаваемых звуков мог только орнитолог. А супруги явно обменивались информацией и понимали друг друга.

Наконец, госпожа Градова вернула мне сотовый.

– Итак, еще раз, вы – Елена Олеговна Емельянова, наша с мужем помощница, – сказала она низким глубоким голосом, в котором поражало отсутствие хрипотцы.

– Рада познакомиться, Ада Леонидовна, – вежливо отозвалась я.

– Как Ирина Антоновна?

– Сейчас узнаю, она в спальне. Думаю, вы здесь бывали, не мне вас приглашать.

Думала я о том, надо ли называть Сереброву при Градовой по имени и отчеству, но говорить об этом было необязательно.

– Я пойду в кабинет покойного Николая Николаевича, – бросила она и направилась куда-то сквозь лабиринты шкафов в гостиную.

«Покойного Николая Николаевича»... Звучало старинно и книжно. Ее муж был человечнее, называя Сереброва Колей. «Тоже мне способ дистанцироваться от подчиненной девицы Емельяновой, – подумала я. – Ну, люди, даже смерть в создании имиджа задевают».

Дама была красивой и холеной, значит, тридцать лет, на которые она выглядела, были ориентировочно тридцатью семью. Скоро на подтяжку лица. И это – ерунда, потому что особенно природе удалось то, на чем морщины не появляются, – большие карие глаза и густые темные волосы. Концы таких раз в полгода укорачивают на сантиметр у лучших парикмахеров. И те благоговейно, понимая, что прикасаются к чуду, берутся за ножницы. Она была энергичнее мужа. И никогда ни у кого не спросила бы: «Как я вам показалась»? Даже в качестве шутки или проверки на развязность. Но Градовы несомненно были парой, хотя я и не видела их вместе.

Удостоверившись в том, что Ирина все еще спит, я отправилась искать кабинет. Бумаги мои были сдвинуты – Градова полюбопытствовала, чем я занималась, и не потрудилась это скрыть. «Интересно, какая ассистентка для нее предпочтительней? Та, что роется в комодах, или та, что переводит»? – задавалась сердитыми вопросами я, лавируя меж горами шкафов и водопадами драпировок. Наконец, обнаружила открытую дверь. Рабочая комната Сереброва была обставлена строго: большой письменный стол с прекрасным компьютером, стеллажи с отлично изданными книгами, два пышнотелых кресла и изящный торшер. Рука Ирины коснулась лишь последнего, накинув на него тонкий шелковый платок в разноцветную полоску.

Ада Леонидовна Градова сидела в одном из кресел, которое явно было ей велико, и рассматривала свои длинные бордовые ногти. При моем появлении она подняла голову. Выражение глаз и лица не изменилось, вернее, не изменила.

– Хозяйка еще не проснулась, – сказала я.

– Накачали снотворным, чтобы не слишком утомляла? Не хмурьтесь, пусть, чтобы не мучилась.

– Не накачивала. Просто человек впервые за несколько дней поел и впервые за несколько дней заснул не на десять минут и без кошмаров.

– Жаль девочку.

– Очень.

– Вкуса у нее нет.

– К сожалению, это не ослабляет страданий. Но у нее не во вкусе дело. Она как-то яростно бунтует против обыденности. Пара визитов дизайнера, и квартира станет по-настоящему оригинальной.

Градова беззлобно усмехнулась:

– А я и не ждала, что вы просто согласитесь с очевидным – вкуса нет.

– У вас провидческие способности.

– Не издевайтесь, Елена Олеговна.

– Я всего лишь лъщу.

– Больше не надо. Для вашей же пользы.

– Хорошо. Менеджер по персоналу предупредила, что в мои обязанности входит выполнение некоторых ваших деловых поручений. Владимир Петрович не уточнял, какого рода они будут, потому что с утра на него свалилось известие о гибели коммерческого директора. Может, вы меня просветите? Или сейчас не время?

– Вы, кажется, из Нижнего Новгорода? Только в провинции еще спрашивают – время – не время.

– Зато в столице все уже поняли, что свое время – это деньги, а чужое – либо тоже ваши деньги, либо на него плевать с десятой вышки.

– После этого вывода можете считать себя столичной штучкой. Приживетесь.

– Приживусь, куда денусь. Но считать себя столичной штучкой не могу. Выговорить про время и деньги легко. Но я не умею так жить.

– Захотите жить, что называется, полнокровно, научитесь, – четко пообещала она. – Двери в начальственные кабинеты пинками уже открываете.

– Я легкообучаемая особь.

– А, из вечных золотых медалисток. Думаете, дальше везде без экзаменов примут. Я ненавижу учить и учиться. Родилась со всем, что мне нужно, и что от меня требуется.

«Градов рассказывает ей все, – подумала я. – Но, похоже, только про других, а не про себя». Вслух же признала:

– Не сочтите за лесть, Ада Леонидовна. Вы уникальны.

– Это не сочту. Потому что действительно так.

«Вот сказала, а могла бы и не сказать», – любит повторять Виктор Николаевич Измайлов, когда я разочаровываю его какой-нибудь фразой после вроде бы неглупого монолога. На сей раз присловье очень подходило госпоже Градовой. Ее «действительно так» было лишним. Интересно, она полагала, что сие утверждение нужно ей или требуется мне? Ну, раз уж ее родили совершенной. В любом случае ненависть к ученичеству ей следовало бы преодолеть.

– Господи, как же вы меня напугали! Слышу, в кабинете говорят. Чуть сердце не разорвалось.

В проеме двери, держась за косяк полупрозрачной кистью левой руки, стояла Ирина Сереброва. Я тоже испугалась, только не голоса, а вида ее – бледная, лохматая, опухшая от слез, на искусанных губах корки. Она была в той же мятой зеленой пижаме, в которой встретила меня утром.

– Милая моя! – воскликнула Ада Леонидовна, поднимаясь и раскрывая объятия.

Ирина приблизилась, Градова на секунду прижала ее к себе, затем отстранила и повернулась ко мне. Учитывая ее тембр, голос зазвучал набатом:

– Елена Олеговна, как это понимать?

Я увидела, что у Ирины приподнялись брови, и подумала: «С моими, наверное, происходит тоже». Но лица своего не почувствовала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.